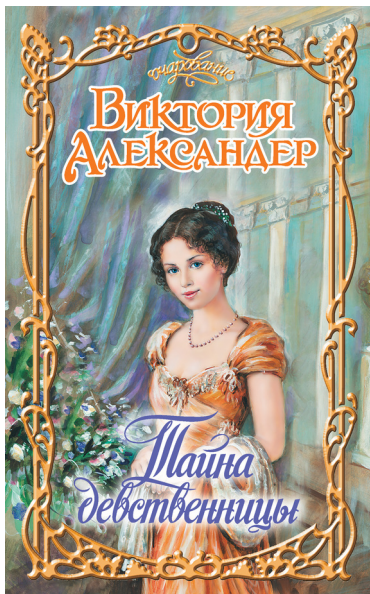

Виктория Александер
Тайна девственницы
Серия «Семья Харрингтон», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=329262*

*Тайна девственницы : роман / Виктория Александер; пер. с англ. Д.В. Антиповой: АСТ, Астрель;
Москва; 2010*

ISBN 978-5-17-069523-2, 978-5-271-31071-3

Аннотация

Авантюрист и искатель приключений Натаниэль Харрингтон никогда не соблазнил бы невинную девушку, даже такую очаровательную, как Габриэла Монтини. Но тайна, которую хранит красавица, завораживает его. Что скрывает она? Чего боится?

У Габриэлы есть весьма веские причины не доверять Натаниэлю. Она уверена, что именно этот человек погубил доброе имя ее брата.

Поначалу в ее душе живет лишь жажда мести. Но когда она лучше узнает своего врага, на смену ненависти и отчаянию приходит любовь – страстная и неодолимая...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Виктория Александер

Тайна девственницы

Пролог

Лондон, 1867 год

– Мы не должны быть здесь, – надменно сказал Стерлинг Харрингтон младшему брату. Этот тон Натаниэль слышал все восемь лет своей жизни. Даже в одиннадцать Стерлинг разговаривал с ним, как будущий граф.

– Думаю, если нас не поймают, у нас не будет проблем. – Куинтон Харрингтон оттолкнул Стерлинга, поднялся по ступенькам и вошел на чердак. Так как Куинтон нес единственную свечу, его братья старались не отставать от него.

Куинтон был на два года младше Стерлинга и на год старше Натаниэля. Пока Стерлинг оставался лидером всех проделок троих, а Куинтон всегда подавал новые идеи. Их гувернантка мисс Томпсон сказала, что у Куинтона душа путешественника. Натаниэлю же она таких комплиментов не делала. Стерлинг, наоборот, был очень ответственным мальчиком. Мисс Томпсон частенько хвалила его и считала, что он единственный из братьев заслуживает титул графа Уайлдвуда.

Стерлинг всегда брал вину на себя за совершенные братьями проделки. Он говорил, что это его обязанность. Натаниэль никогда не понимал, пока не повзрослел, почему человек по собственной воле может брать вину на себя.

Когда Натаниэль предложил выращивать лягушек в ванне на третьем этаже и девочки нашли ее, полную головастиков, Стерлинг утверждал, что это была его идея. Девочки, конечно, сделали из этой истории большой скандал.

Когда мальчишки уронили мяч для игр в глубокий колодец на заднем дворе дома, Куинтон предложил опустить в колодец Натаниэля, потому что тот был самым маленьким. Натаниэль никогда не рассказывал братьям, насколько темно и сыро было в том подземном колодце. Намного темнее и страшнее, чем он предполагал. Но наказали все-таки Стерлинга, потому что он признался отцу в том, что это была его идея – опустить младшего брата в колодец в ведре на веревке. И наказали именно его, несмотря на то что Куинтон в конце концов раскаялся.

Мисс Томпсон сказала, что всегда была уверена в том, что даже у самого заядлого бездельника и негодяя есть совесть. И когда гувернантка читала им историю про греческого мальчика, взлетевшего в небо на крыльях, сделанных из перьев и воска, Стерлинг издевался над Икаром и советовал тому использовать клей. Но именно Куинтон предложил раздобыть перья, палки и клей и через неделю уже смастерил собственные крылья.

Когда они закончили, то по решеткам для роз залезли на крышу садового дома и, конечно, выбрали Натаниэля испытателем как самого маленького и легкого из них. И если бы они не додумались привязать к его талии веревку, – так, на всякий случай, чтобы не улетел далеко, – неизвестно, что бы случилось дальше. Взрослые нашли его беспомощно висящим под крышей дома. Тогда их впервые наказали троих. Решетки для роз убрали, ванны сняли с третьего этажа, перенесли и использовали только для купания, а колодец наконец-то отремонтировали и заполнили водой. Но Натаниэль по-прежнему повсюду следовал за братьями.

– Здесь слишком темно, мы ничего не увидим, – сказал он храбрым тоном, чтобы не показать страх.

Дождь забарабанил по крыше дома Харрингтонов, издавая зловещие звуки, будто кто-то следовал за ними наверх. Если бы Натаниэль пришел сюда один, то ему показалось бы, что этот чердак похож на неухоженную тусклую пещеру, пугающую своими нечеткими фигурами вдоль стен. В солнечные дни мальчики выбегали в соседские сады Лондона и находили там множество приключений. Но последние три дня лил дождь, и братья решили от скуки исследовать весь их огромный дом. Мисс Томпсон дремала внизу. Но они знали, что эта шалость перегнет палку ее терпения. Мисс Томпсон была единственной знакомой женщиной, не побоявшейся лягушек в ванной. Но, обнаружив сегодня одну у себя на столе, она впервые расстроилась и отослала мальчишек в свои комнаты читать книги. Сама же ушла к себе и почему-то грустно смотрела в окно, пока не заснула. Сегодня она была не в духе. Может быть, из-за дождя?

– Итак, – Куинтон осмотрел чердак и поднял свечу повыше. Он уже выглядел как пират. Натаниэль хотел тоже поскорее найти пиратскую одежду, чтобы быть похожим на него, – с какого места начнем искать?

– С коробок, – уверенно заявил Стерлинг. – Думаю, что одежда пиратов должна быть в этих сундуках.

Он первым пошел в глубь чердака, пиная коробки и поднимая клубы пыли. Натаниэль хотел сказать, что ему страшно, но братья были рядом, поэтому он промолчал.

– С какой коробки начнем? – спросил Натаниэль.

Стерлинг внимательно рассматривал коробки, выглядевшие совсем как пиратские сундуки с сокровищами.

– С самой огромной, конечно! – Куинтон усмехнулся. – В самых больших коробках всегда лежат лучшие сокровища.

– Отлично. – Стерлинг откинул крышку коробки, и мальчики заглянули вовнутрь.

– Здесь только старые вещи, – скривился Натаниэль. Он очень надеялся увидеть внутри настоящие сокровища.

– Но не только одежда. – Куинтон отдал Натаниэлю свечу, залез в коробку, повозился немного и вытащил оттуда красную куртку, которая была похожа на те сюртуки, в которых обычно изображали солдат. – Это одежда для пиратов и рыцарей.

– И путешественников! – воскликнул Стерлинг. – И исследователей!

– Я хочу быть исследователем, – быстро вставил Натаниэль, – или путешественником.

– Посмотри на это! – Стерлинг выкинул из коробки что-то еще.

Куинтон недовольно хмыкнул.

– Это всего лишь книга.

– Это журнал. – Стерлинг поднес свечу поближе и стряхнул пыль с журнала. – Это прабабушкин журнал.

– Это всего лишь книга, – упрямо повторил Куинтон.

– Знаю, – прошептал Стерлинг, – но это, должно быть, хорошая книга.

Куинтон издевательски усмехнулся:

– С чего ты взял, что она хорошая?

– Ты ведь любишь книги про пиратов, – сказал Натаниэль.

– Она про контрабандистов, – произнес Стерлинг, листая журнал.

Куинтон обрадовался.

– Прабабушка была знакома с контрабандистами?

– Наверное, – медленно произнес Стерлинг, обдумывая каждое слово, – прабабушка сама была контрабандисткой.

– Прочти что-нибудь! – попросил Натаниэль.

– Хорошо, – согласился Стерлинг.

Мальчики сели на пол, в круг, скрестив ноги. Стерлинг забрал у Натаниэля свечу и поставил ее так, чтобы свет падал на страницы. И следующий час, а может, и дольше, он читал братьям историю приключений их прабабушки, которая действительно оказалась контрабандисткой, преследуемой всюду правительственным агентом – предыдущим графом Уайлдвудом.

Дождь перестал лить, и Стерлинг закрыл журнал.

– Мне кажется, мы не должны рассказывать об этом маме, – произнес он решительно.

– Потому что нельзя говорить ей, что мы были на чердаке? – спросил Натаниэль.

– Нет, – усмехнулся Куинтон. – Потому что ей не захочется иметь контрабандистов в своей семье.

– А... – протянул Натаниэль, думая о том, что иметь контрабандистов в семье намного интереснее, чем не иметь их. А еще интереснее самому быть контрабандистом. – Давайте станем не пиратами, а контрабандистами!

– Сегодня мы не сможем стать контрабандистами, – вздохнул Стерлинг. – Мисс Томпсон, наверное, уже удивилась, куда мы пропали. Но мы поднимемся сюда еще раз, почитаем и поиграем в контрабандистов.

– Но мы ведь можем хотя бы придумать себе имена, как у контрабандистов? – В голосе Натаниэля прозвучала обида.

– Имена контрабандистов? – засмеялся Куинтон. – Что за имена контрабандистов?

– Такие же особенные имена, какие есть у пиратов, – сказал Натаниэль тише. – Я буду Черный Джек Харрингтон!

Старшие братья переглянулись. Стерлинг покачал головой:

– Сомневаюсь, что это имя тебе подходит.

– Почему это?

– Потому что тебя зовут Натаниэль, а не Джек, это во-первых. А во-вторых, мы еще не играем, ты ведь понимаешь, – напыщенно объяснил Куинтон, – это такая серьезная вещь – получить новое имя... Даже имя контрабандиста. В нем должно чувствоваться твое настоящее имя.

– Нат, – неожиданно предложил Стерлинг. – А что, звучит как имя контрабандиста! А ты будешь Куинт.

Куинтон нахмурился. Потом, задумавшись, добавил:

– Мне оно не нравится. А что вы думаете насчет Куинта Деревянная Нога? Или Куинта Свирепого?

– Лучше тогда Куинт Негодяй с Большой Дороги, – самодовольно улыбнулся Стерлинг.

– А кем будешь ты? – Натаниэль – теперь Нат – спросил у брата. – Какое ты выберешь имя себе?

– О, я думаю оставить себе имя Стерлинг.

Куинт фыркнул.

– Какое же это имя для контрабандиста?

– Я не буду контрабандистом, – ухмыльнулся Стерлинг. – Я лучше буду бесстрашным графом Уайлдвудом, агентом королевства, безжалостным охотником за контрабандистами. И я спасу прекрасную девушку, и стану ее героем.

– Девчонки не играют, – непоколебимо сказал Нат. – Они же девчонки.

– Хорошо, мое имя будет Куинт. – Куинтон поставил кулаки на бедра и выдохнул: – Смелый и отважный Куинт, король контрабандистов.

– А кем буду я? – Нат перевел взгляд с бесстрашного графа на короля контрабандистов. Это было нечестно. Не важно, какая была игра, ему все равно доставались худшие роли.

– Ладно, – согласился Стерлинг, – я выброшу из своего имени слово «бесстрашный» и отдам его тебе. Ты можешь быть бесстрашным контрабандистом Натом. – Но я бы хотел

сохранить себе «отважного», поэтому забирай себе «смелого» и будь смелым и бесстрашным Натом!

Смелый и бесстрашный контрабандист Нат! Звучит неплохо.

– Нам нужна теперь уйма времени, чтобы поиграть в контрабандистов и агентов, – так серьезно проговорил Стерлинг, будто выдвинул новую философскую идею. – И мы наберем сокровищ, будем путешествовать и спасать прекрасных девушек.

– Будем скитаться по свету и открывать новые земли, – добавил Куинт.

– И... и... – Нат не мог думать ни о чем другом, кроме того, что он опять оказался последним и все важное сказали до него. Он тоже хотел странствовать и тоже хотел приключений.

– Я думаю, нам нужен договор, – многозначно произнес Стерлинг. – Настоящий договор контрабандистов.

Нат неодобрительно посмотрел на брата.

– Разве у контрабандистов были договоры?

– Я не знаю, – пожал плечами Куинт. – Может быть, и были, как у мушкетеров. Один за всех и все за одного?

– Это не договор, это девиз, – усмехнулся Стерлинг. – К тому же мы братья. Мы и так всегда будем один за всех и все за одного.

– Всегда-всегда? – переспросил его Нат.

– Всегда были и всегда будем, – произнес Стерлинг таким голосом, будто давал клятву. – Братья всегда помогают друг другу.

– Один за всех, – прошептал Куинт.

– Один за всех! – эхом откликнулся Нат.

Это был хороший договор.

Глава 1

Если бы могли, они бы выглядели как мужчины, которые совсем не обращают внимания на общество и его мнение. Они вели себя так, словно им не нравились комфорт и удовольствия цивилизации. Нет, не только общество, но и в целом вся цивилизация. Что-то было в них невидимое, что сразу выдавало братьев. Большие, чем просто взгляд, большие, чем уверенная походка или поворот головы. Ни цвет волос, ни ширина плеч и даже не их высокий рост.

Особенно запомнился удивительный взгляд младшего из братьев, интеллигентного и веселого Натаниэля. Любая, даже не очень чувствительная женщина, однажды заметив на себе его взгляд, понимала, что никогда еще не встречала мужчину, подобного ему. Он мог похитить сердце любой женщины.

Мнение женщин о братьях Харрингтон

Лондон, 1885 год

– В этом году аборигены ведут себя весьма беспокойно. – Натаниэль Харрингтон обвел взглядом толпу, которую он разглядывал, стоя на балконе их лондонского дома.

– В конце концов, сейчас весна, – заметил его старший брат Куинтон, – начались брачные ритуалы.

– Полагаю, сливки лондонского общества не захотят слушать наши истории о сезонных празднествах и брачных играх, – криво улыбнулся Нат.

– Какой же ты внимательный в своих наблюдениях.

– Внимательность и аккуратность здесь ни при чем. Они никогда не играли существенной роли в общественной жизни. – Нат бросил взгляд на брата. – Как, к счастью, и твоя пунктуальность.

Куинт пожал плечами:

– Я просто светский человек, что в этом такого?

– Ты покинул Египет на две недели раньше меня и приехал в Лондон на пять дней позже. Что тебя задержало? Где ты был?

– Да везде. А насчет того, что меня задержало, – это выдающийся, просто необыкновенно правильный, – Куинт ухмыльнулся с таким видом, будто говорил о нескольких недоступных женщинах, которых ему удалось соблазнить, – мужчина, который всегда поступает только по совести и с которым подчас очень скучно иметь дело!

Бровь Ната поползла вверх.

– Когда ты говоришь про совесть, ты имеешь в виду меня?

– Вот именно, мой маленький брат! – возликовал Куинт. – Ты моя совесть, хранитель моей добродетели и морали, ты...

Нат рассмеялся:

– Я не думаю, что у меня это получается.

– И я за это тебе благодарен.

Ему не хотелось соглашаться с едким замечанием брата, но в душе он понимал, что его жизнь была бы необычайно скучна, если бы не склонность Куинта непрерывно искать приключения.

Когда Нат закончил свое обучение, Куинт предложил присоединиться к его поездкам и поискам потерянных сокровищ. Вместе они побывали в таких далеких и странных землях и местах, о которых Нат и подумать не мог. А с Куинтом он увидел их своими глазами. Они

ездили в Египет, в Персию, в Малую Азию, побывали в заброшенных городах и затерянных среди пустынь.

Нат предпочел бы проводить свои дни в пыльных музейных библиотеках или древних гробницах, хотел бы, чтобы его жизнь была связана с поиском знаний древних народов. Он изучал пожелтевшие манускрипты и вырезанные на камне надписи, ему не терпелось отыскать ключ к секретам истории. Для Ната те артефакты и произведения древнего искусства, которые находили они с братом, вдыхали жизнь в сухие данные о вымерших цивилизациях и делали их реальными. Куинта больше интересовали конечные цены, полученные им от музеев и коллекционеров. Может быть, из-за такой разницы в подходе к делу и различной философии они и составляли идеальную команду.

– А ты... – Куинт остановился, так и не задав вопроса, но Нат понял его без слов.

– Все счета уплачены, разрешения на ввоз новых антикварных изделий уже подготавливаются. Конечно, поддельные документы были бы сделаны намного быстрее, но и стоили бы втрое дороже. Взятки выросли. Однако французский посол все равно теперь думает, что видел выходящим из спальни его жены не тебя, а одного американца. – Нат покачал головой. – Печально все это. Мне этот американец всегда нравился.

– Думаю, у него самого моральных принципов не намного больше, чем у меня. И уж точно не больше, чем у жены французского посла. – Куинт улыбался без тени раскаяния. – Но я благодарен тебе за помощь, ты же знаешь.

– Знаю, – кивнул Нат. – Но ты должен подготовиться к ярости нашей матушки. Здесь я помочь тебе не смогу. Она беспокоится о том, что ты не бываешь дома.

– Ой, да брось, ты же знаешь, что я никогда не пропущу первый бал нашей сестры! – Куинт привел в порядок манжеты рукавов. Он выглядел так, будто одевался в спешке. – Рэджи значит для меня больше, чем поездки, так же как мама и Стерлинг.

– Тебя спрашивал один человек, – сообщил брату Нат.

Куинт улыбнулся:

– Да меня постоянно кто-нибудь спрашивает!

– Конечно, но это был не подозрительный муж или оскорбленный отец. Ты помнишь Энрико Монтини?

Куинт пожал плечами.

– Кто это?

– Я уверен, ты его помнишь. Он заявил однажды, что нашел печать. Древнюю аккадскую печать. Если я прав, она как-то связана с потерянным городом Амбропия и Тайной девственницы. Он был очень осторожен и не показывал оригинал, только слепок глины, на которой сделал отпечаток. – Нат посмотрел на брата. Несколько лет назад Куинт работал с ведущим профессором по изучению Амбропии. – Не мог же ты совершенно забыть об этом. Это же выдающаяся находка.

– Да, конечно.

– Насколько мне известно, он внезапно умер несколько месяцев назад.

– Прискорбно, – проворчал Куинт.

– Действительно. Его брат, эксцентричный малый, приставал ко мне с разговорами через несколько дней после твоего отъезда. Он был разгневан и обвинял нас... то есть тебя...

– Меня?

– Твоя репутация опережает тебя, – поморщился Нат.

Пока он работал сутками напролет, чтобы узаконить их деятельность, случилось несколько неприятных и сомнительных историй с участием его брата. Некоторые тянулись еще с тех времен, когда Куинтон работал один.

– Брат Монтини обвиняет тебя в том, что ты подменил эту печать какой-то подделкой, и он представил ее в Антикварный совет по проверке подлинности антикварных изделий.

Надо сказать, они очень удивились. Наверное, он сам слишком высоко оценил необыкновенность печати и ошибся.

– Много ли нужно, чтобы удивить их, – усмехнулся Куинт.

– В любом случае Монтини был дискредитирован. Его брат считает, что все это повлияло на смерть Монтини, и он ищет виновника.

Контрольный комитет по проверке подлинности антикварных вещей был старейшим в Лондоне. От его решений зависело многое – в том числе и получение разрешений археологам, ученым и путешественникам на дальнейшие поездки во все уголки мира.

– Я сказал этому человеку, что ты покинул Египет и уехал в Турцию. Подозреваю, что он планирует следовать за тобой.

– Приму во внимание.

– Чего не сделаешь ради родного брата. – Нат покачал головой. – Бедный Монтини!

– Несомненно, он ошибся, – сказал Куинт.

– Но, вспоминая то впечатление, которое произвела на меня эта печать, когда он нам ее показывал...

– Такие вещи случаются всегда. Мы с тобой удивились и поверили в то, что она особенная. – Куинт остановился, кивнул на сад под балконом и внезапно изменил тему разговора: – Чья была идея провести этот бал под открытым небом?

– А ты как думаешь? – улыбнулся Нат.

– И мама позволила это?

– Она всю неделю волновалась насчет дождя. Но ты же знаешь, как ведет себя Реджина, когда ей что-то придет в голову. И к тому же это ведь ее бал.

Даже в свои восемнадцать лет Реджина Харрингтон имела такой сильный характер, что окружающие заранее жалели ее будущего мужа. Их сестра была младшим ребенком в семье и единственной девочкой. Поэтому ни мать, ни братья не могли сказать ей «нет». Так, Реджина вбила себе в голову идею с балом в саду, где гости могли бы танцевать на террасе под звездами и заходить в бальные комнаты только за едой или для частных разговоров. Она не прислушивалась к советам матери и теперь вела себя так непринужденно и радостно, как ведут себя только девушки в свой первый сезон. Она в последнюю очередь думала о дожде. И наверное, именно поэтому на улице стояла прекрасная весенняя ночь.

Нат склонился над перилами и стал изучать толпу приглашенных гостей.

– Когда ты в последний раз был в Англии весной?

– Не помню, – признался Куинт. – В прошлом году мы были в это время в Персии, год назад в Египте, а может, и в Турции. Точно не помню, но очень давно.

Последние шесть лет они практически не бывали в Лондоне и в их семейном загородном доме. Они предпочитали искать заброшенные города в Турции, неизвестные храмы в Персии и вскрывать гробницы фараонов в Египте, чтобы привезти в Англию сокровища. И они любили спать под звездами в спальниках, а не танцевать под ними в новых фраках. Нат потянул шерстяной узкий воротник на шее, желая поскорее его снять и надеть что-нибудь более удобное и походное.

– Но в любом случае хорошо быть дома, – сказал он.

– Да, я иногда скучаю по лондонским балам, – добавил Куинт.

Нат удивился.

– В это трудно поверить, я думал, ты ненавидишь все это. – Нат кивнул на вальсирующую и разодетую толпу.

– Не обращай внимания, мой дорогой брат, – Куинт тоже взгляделся в гостей, – мне просто ненавистны все эти правила, придуманные кем-то. Сделай то, не делай этого. Но эти пышные английские балы в течение лета несравнимы ни с чем. Это грандиозный праздник, его нельзя пропускать.

Нат обернулся на брата:

– Тебе нравится?

– Безусловно. – Куинт прилег грудью на балюстраду, сцепил руки и посмотрел в сторону группы молоденьких девушек в белых платьях, с надеждой поглядывающих на танцующие пары.

– Разве это не прекрасно? – кивнул он на них.

Нат проследил за взглядом брата. Его внимание привлекла темноволосая юная девушка. Она была одета в платье цвета спелого персика и ходила по террасе с озабоченным видом, будто кого-то искала.

– Здесь так много юных дебютанток, у которых это первый выход в свет. Во-первых, они настолько чисты, что дразнят мой аппетит. Они так давно ждали этого события.

– А во-вторых?

Темноволосая девушка в платье персикового цвета держала себя очень самоуверенно, как и полагалось при ее красоте, но Нату показалось, что она не местная. Это было абсурдом, потому что он не знал в лицо и половину гостей, и уж тем более тех, кто приглашен не был.

– Смотри туда. – Куинт показал на другую группу девушек, будто нарисованных светлой пастелью в темноте сада. – Это, без сомнения, второй или третий сезон. Они более придиричивы и опытны, но все равно это только прелюдия. А по большому счету... – Куинт прищурился.

– Все написано у них на лицах. Призывы глаз, аромат... Они хотят быть соблазненными, и это разжигает мой аппетит. – Он продолжил рассматривать толпу. – Те, в более яркие платья, замужние или вдовы, давно сбросившие траур. Здесь, братишка, ты можешь выбрать себе блюдо по вкусу. Но будь осторожен. Если выберешь женщину, несчастную в браке, тут же появится ее недовольный муж и испортит тебе аппетит.

– И будет несварение желудка, – рассеянно произнес Нат. Он все еще наблюдал за незнакомкой. Почему-то ему казалось, что они знакомы. Виделись ли они когда-нибудь? Вряд ли. Может, в детстве? С балкона невозможно было разглядеть ее лицо.

– Будет отравление, – продолжал Куинт, – но вдовы, довольные своим положением и не собирающиеся снова замуж, могут быть вполне обеспеченными и безопасными для... – Куинт запнулся, – для эксперимента.

– Заманчиво, – усмехнулся Нат.

Куинт исподлобья взглянул на брата:

– Ты вообще меня слушаешь?

– Что? А, да, конечно! – пробормотал Нат. – Я слушаю каждое твое слово. Полагаю, ты уже дошел до... – он кашлянул, – до десерта?

– О да, это самая важная и приятная часть обеда! – воскликнул Куинт. – Десерт полностью зависит от вкуса отдельно взятого человека. – Светлый, пенистый, сладкий, с сиропом...

– Походит на твой первый вариант, разве нет?

Куинт поднял указательный палец.

– Правильно! Пока держишь кусочек сахара на языке, такой сладкий и восхитительный! А через секунду вспоминаешь о диете, которой нужно придерживаться, и уже не знаешь, что делать с пудингом, который ставят на стол прямо перед тобой. Очень сложно от него отказываться.

– Или кто-нибудь находит незваного гостя, поедающего его пудинг в пустой гостиной. Или пудинг оказывается невкусным.

– Именно! И как бы я ни любил пудинги, я не представляю себя ежедневно поедающим их. – Нат подумал о том, что у него диета длится намного дольше, чем у брата. Не то чтобы он был готов к пудингу или женитьбе, нет. Но мысли об этом приходили в его голову чаще,

чем к его брату, и не казались такими уж отвратительными. Он был уверен, что однажды в его жизнь войдет нужная женщина. А до этого времени он не хотел отказываться от предлагаемых десертов.

– Кажется, Стерлинг вспомнил о моем приезде, – проговорил Куинт, скрывая улыбку, и показал рукой на их брата, стоящего на террасе рядом с матерью. Граф Уайлдвуд выделялся из толпы своим раздражающим безвкусием в одежде. Он выглядел как легендарный маяк из длинного исчезнувшего острова Фарос в Александрии.

– Может, присоединимся к остальным? – спросил Нат.

Куинт отступил к балконной двери и направился к выходу. Нат бросил последний взгляд на толпу внизу, затем тоже развернулся и последовал за братом. Он потерял ту девушку в персиковом платье, но был уверен, что скоро вновь найдет ее. Он улыбнулся, чувствуя знакомое предвкушение, какое появлялось у него перед тем, как пуститься в новое путешествие на поиск потерянных сокровищ.

Будет ли эта находка стоящей? Или он ошибется, как ошибся бедный Монтини?

В любом случае ему всегда нравился персиковый цвет.

Габриэла нечасто бывала на балах раньше. Только когда ее брат приезжал в Лондон, они иногда ходили на ежегодные балы, устраиваемые Антикварным советом или историческими музеями и университетами.

Сейчас она прогуливалась по террасе, не задумываясь о том, куда идет, и казалась приглашенной гостьей. Ее уверенность и манера поведения заставляли встречных людей расступаться и приветливо кланяться. На ней было французское платье по последней моде, немного экстравагантное для Англии, но выглядела Габриэла Монтини в нем изумительно. Платье подчеркивало ее привлекательность.

Она улыбалась и вежливо кивала людям, которых видела впервые в жизни и не хотела бы увидеть в будущем. Конечно, было бы намного проще, если б она посещала балы графа раньше или была бы приглашена хозяевами дома, чем тайно пробираться через задние ворота сада.

Это был дом тех самых братьев Харрингтон, в котором она планировала найти доказательство того, что один из них, а возможно, и оба, украли и подменили печать Амбропии у ее брата. Не то чтобы она была в этом окончательно уверена, но они были первыми в списке ее брата, когда он перечислял возможных воров.

Габриэла прошла сквозь высокие французские двери в дом и стала бродить по огромным комнатам. По благоприятному стечению обстоятельств бал проходил на улице, и она мысленно поблагодарила того человека, кому пришла в голову такая замечательная идея. Находиться в залах незнакомому человеку, не приглашенному к столу, было бы куда сложнее. А теперь у нее возник план.

Габриэла взяла с подноса бокал с пуншем и спросила у официанта, как пройти в женскую комнату для отдыха. Она не устала, но не хотела, чтобы ее так скоро раскрыли. Такова была часть ее плана. Надо сказать, это был плохой план, но он был лучше предыдущего, который незамедлительно привел бы к краху и пагубным последствиям. И все же второй план тоже был не идеален, в нем было больше эмоций и чувств, чем логики.

Она должна была получить этот урок несколько лет назад и думала, что сделала выводы. Она никогда не ожидала, что горе и ненависть могут сидеть в человеке месяцами, пока не разрушат изнутри психику здравомыслящего человека. Но этот бал казался ей небольшим приключением. Уже много лет у нее не случалось ничего интересного.

– Эмма, моя дорогая девочка! – Пожилая женщина вцепилась в нее и привлекла к своей пышной груди. – Как ты? Как же давно я тебя не видела! Я слышала, вы с матерью были в Париже!

Габриэла проигнорировала панический трепет в животе. Леди явно перепутала ее с кем-то еще, и Габриэле показалось глупым переубеждать ее. Она послала леди самую блистательную из своих улыбок.

– Да, мы давно не виделись.

– Ты выглядишь прекрасно, как всегда! – Пожилая женщина прищурилась и присмотрелась к Габриэле. – Прости меня, моя дорогая, я опять потеряла свои очки. – Она сделала драматическое лицо. – Это одна из проблем возраста. Все элементарные вещи кажутся такими сложными! Не буду надоедать тебе своими жалобами, но я постоянно забываю, куда кладу свои вещи.

Неужели женщина плохо ее разглядела? У Габриэлы возникло чувство благодарности к этой незнакомке. Она хотела посоветовать ей нанять специального человека, который бы помогал в таких ситуациях, или попросить сестру иногда присматривать за ее вещами.

Если у братьев Харрингтон действительно лежит печать Энрико, она должна знать об этом. Это была удивительная находка. Одно из немногих доказательств того, что легендарный и древний город Амбропия существовал на самом деле. Если бы подлинность печати была признана Антикварным советом и Контрольным комитетом! Находка подобного уровня принесла бы славу, репутацию и гарантию будущего.

Габриэла насторожилась. Репутация и будущее ее брата были бы сейчас блестящими, если бы эту печать не украли до начала ежегодного комитета. Это произошло чуть меньше года назад.

Габриэла никогда не расспрашивала Энрико об этой печати. Он показал ее лишь однажды. Брат был удивительно суверен насчет таких вещей. Он сказал, что было бы ошибкой показывать людям печать преждевременно. Ко всему прочему Амбропия была покрыта завесой мистики и легенд, одна из которых гласила о таинственной девственной богине, защитнице города, способной мстить охотникам за сокровищами, разбудившим ее.

Сейчас Габриэла была готова поверить и в это.

Когда Энрико развернул свою находку перед Контрольным комитетом, он увидел в своих руках печать более низкого качества, фактически подделку. Его словам о краже никто не поверил. Энрико потерял над собой контроль, наговорил грубостей и в конце концов покинул комитет.

После этих событий брат стал сам не свой. В поисках потерянной печати Энрико обошел всех конкурентов, уверенный, что кто-то из них украл ее. Это было соперничество. Он покинул Лондон и преследовал в поездках тех, кто вызывал у него подозрение. Его письма к Габриэле были полны деталями поездок и именами врагов или тех, кого могли нанять для воровства. Но с каждым разом письма становились все менее разумными, менее четкими. Брат словно помешался. Но Габриэла отказывалась верить в его безумие. Ошибка, в которой она сейчас раскаивалась. Если бы Энрике взял с собой Ксеркса – слугу, всегда сопровождавшего его в путешествиях, или если бы она поехала с ним, то, возможно, ничего бы не случилось. Но она никогда не ездила с братом и знала, что он не позволил бы ей этого.

Затем, через шесть месяцев, она получила письмо о его смерти в Египте якобы от лихорадки. Безразличное и холодное письмо от секретаря британского офиса в Египте.

Габриэла чувствовала себя опустошенной. Энрико был на двадцать лет старше ее и практически заменил отца. За исключением своей матери-англичанки, которую Габриэла никогда не встречала, он был единственным ее родственником. Поэтому она поклялась себе найти тех людей, которые убили ее брата и уничтожили его репутацию. Габриэла чувствовала, что ответ на ее вопросы находится в этом доме. Она проскользнула по коридору в библиотеку графа, надеясь, что осталась незамеченной, и теперь, рассеянно покусывая нижнюю губу, изучала большой стол. Он был закрыт. Проклятие! Она должна была подумать об этом и подготовиться лучше.

После смерти Энрико Габриэла быстро обнаружила, что финансовая сторона их жизни была налажена намного лучше, чем она предполагала, и была шокирована, узнав, что ее отец оставил ей значительную часть своих денег. И в самом деле в завещании отца говорилось, что Габриэле достаются не только его деньги, но и капитал, заработанный Энрико. Энрико сам никогда не занимался денежными вопросами, за него все делал его поверенный в Лондоне. Адвокат сам распорядился его деньгами, чтобы отправить Габриэлу в начальную школу, потом заплатил за ее обучение в Королевском колледже и за скромный лондонский дом, в котором она сейчас жила со своей компаньонкой мисс Флоренс Генри.

Но открытия Габриэлы касались не только финансовой стороны новой жизни. Она также нашла пакет с письмами от ее матери, которая умерла вскоре после рождения Габриэлы. Та советовала дочери найти ее английских родственников, с которыми когда-то потеряла связь. Габриэла не выполнила волю матери, она подумала, что родственники и сами могли бы найти ее, ведь прошло уже достаточно времени.

Габриэла не считала себя чрезмерно богатой, но поняла, что фортуна ей благоволит. Она никогда и не мечтала получить столько денег в один день. Однако ей было приятно осознавать себя независимым человеком, который может позволить себе все, что пожелает. И от этих мыслей у нее сладко покалывало в животе.

Но, несмотря на это, злость и горе погнали ее в Египет, благо теперь хватало денег на такие поездки. В Египте она хотела предстать перед Харрингтонами и все выяснить сама. Ее мучила совесть из-за того, что пришлось соврать Флоренс, которая не знала, куда отправилась ее девочка, и считала, что та отдыхает где-то во Франции. Ей и в голову бы не пришло, что Габриэла потащила за собой Ксеркса и его жену Мириам вместо того, чтобы дать им отдохнуть в деревушке.

Она хотела бы, чтобы Ксеркс оказался сейчас рядом с ней. В числе многих своих уникальных способностей Ксеркс Малдун умел открывать любые замки. Габриэла представления не имела, откуда у него появилось такое мастерство, но оно бы ей пригодилось. Правда, проскользнуть незаметной с ним под руку на этот праздник было бы куда сложнее. Ксеркс был очень высоким и мускулистым, в его необычной, экзотичной внешности соединились черты матери-египтянки и ирландца-отца. Ксеркс не смог бы прийти и уйти незамеченным. Поэтому сейчас он ждал ее с каретой возле задних ворот.

Итак, ей придется сделать все самой. Габриэла попыталась выдвинуть верхний ящик, но он был заперт. Было бы глупо искать в комнате ключ. Люди, закрывающие стол на замок, не оставляют тут же и ключи от него. Во всяком случае, Габриэла ничего интересного на столе не обнаружила – только чернильницу с чернилами, несколько перьев для письма и приспособление для вскрытия запечатанных писем с изображением египетского скарабея на рукоятке. Наверняка ворованное. Габриэла взяла его и взвесила в руке. Пригодится.

Она присела и стала изучать замок. Отверстие его было самым обычным и, если постараться засунуть туда кончик пера, то...

– Могу я вам чем-нибудь помочь?

Глава 2

Видна была только верхняя часть ее лица из-за стола, но голубые глаза выдавали смущение и удивление.

Отлично. Нат любил застигать женщин врасплох, это давало ему преимущество. Нат заметил, что она покинула бальный зал и вошла в женскую комнату. Он собирался подождать ее у двери, но, взглянув нечаянно в коридор, увидел, как она скрылась в библиотеке, и решил, что это неплохой шанс познакомиться. Если, конечно, в темной библиотеке она не встречается с кем-то еще.

Он подошел ближе и встал рядом.

– Могу я помочь?

– Нет, но все равно спасибо. – Габриэла выпрямилась. Нат заметил, что она была только на полголовы ниже его. Идеальный рост, решил он.

– Могу я узнать, что вы тут делаете?

– Что я тут делаю? – Она пожала плечами. – Раз уж вы меня поймали, я должна признаться.

Улыбка медленно осветила лицо Ната.

– О, я люблю признания.

Габриэла посмотрела ему в глаза, потом рассмеялась.

– Боюсь, я разочарую вас! – Она вышла из-за стола, все еще держа в руках нож для вскрытия писем со скарабеем на ручке. – Я не думаю, что это будет таким уж захватывающим признанием.

Нат оглядел ее. Он плохо разбирался в женской моде, и все, что знал, было получено из разговоров матери с сестрой, но понял, что платье на девушке французское и что оно прекрасно подчеркивает ее грудь.

– Полагаю, все сказанное вами будет захватывающим.

Габриэла очаровательно улыбнулась.

Нат заметил, что она сжимает в руке нож, и спросил:

– Зачем вам это?

Габриэла подкинула нож в руке так ловко, что Нат восхитился.

– А, это... Увидела на столе и захотела рассмотреть поближе. Но я такая неловкая. Сразу уронила его, и он упал под стол. Этот скарабей как настоящий, – сказала она улыбаясь.

– О да. Я купил эту вещь в прошлом году на рынке в Каире. – Нат взял нож и положил его на место. – А потом подарил его секретарю моего брата.

– Очень мило с вашей стороны.

– Да, я иногда бываю милым. Но вы обещали рассказать, зачем пришли в библиотеку.

– Обещала? Хм, а теперь... передумала. – Габриэла легкомысленно повела плечами. – Мне неинтересно признаваться вам без обратного признания в чем-либо. Надеюсь, вы можете мне признаться в чем-нибудь интересном? В каком-нибудь умышленном злодеянии, которое тяжелым грузом лежит на вашем сердце?

– Ничего не приходит в голову... – Нат усмехнулся. – Хотя я хотел бы признаться, что боялся застать вас здесь с другим джентльменом.

Габриэла удивленно посмотрела на него, затем прижала руки к груди.

– Да, вы меня поймали. А теперь вы ставите меня в неловкое положение, ведь он так и не пришел.

– Какая удача для меня! – Нат взял ее руку и прижал к губам. Их взгляды встретились.

– Вы так думаете?

– Да. – Он медленно начал притягивать ее к себе за руку. – Простите меня, но мы раньше не встречались? Мне кажется, я вас где-то видел.

– А вы не помните? – произнесла она странным тоном.

Нат не понял, обижена она или нет.

– Простите меня, – он покачал головой, – я не мог бы вас забыть. Но все же...

Она выдернула руку.

– Я должна сказать, это самое неприятное мое воспоминание...

– Простите?..

– Вы не помните, как вместе танцевали?

– Боюсь, что нет...

– А прогулку и флирт в саду, похожем на ваш сад?

– Не припоминаю...

– А украденный поцелуй под лунным сиянием?

Нат тяжело сглотнул.

– Должно быть, я идиот.

– Да, должно быть. – Габриэла легко ударила его веером. – Думаю, вы танцевали со многими женщинами, много флиртовали в саду и так же много целовались под луной. Так что сбились со счета.

– Это неправда! – воскликнул Нат.

Габриэла приподняла бровь.

Нат выдохнул:

– Вы поставили меня в неловкое положение.

– Правда? – засмеялась она заразительно и громко. – Вот я вас и удивила!

Нат неохотно улыбнулся:

– Так кто вы?

– Нет-нет, если я расскажу вам все, это испортит мне настроение. И если вы не помните мое имя, то, я думаю, вы должны заслужить эту информацию. – Ее глаза задорно сияли. – Возможно, если бы могли потанцевать снова...

– Или прогуляться по саду... – Нат подошел еще ближе и взглянул в ее глаза. – Или поцеловаться в лунном сиянии...

– Возможно, – сказала Габриэла.

Нат неожиданно прижался губами к ее губам.

Габриэла мгновенно отпрянула и метнулась к дверям.

– Я еще ни разу не целовала мужчину второй раз, если он забывал о нашем поцелуе.

– Тогда позвольте хотя бы пригласить вас на наш второй танец.

Габриэла оглянулась на Ната и остановила его взмахом руки.

– Хорошо. Но я предпочла бы выйти из библиотеки в одиночестве. Не хочу стать предметом сплетен.

– А затем вы подождете меня на веранде, и мы вновь встретимся?

Она смущенно кивнула и улыбнулась:

– Можете рассчитывать на это.

После этих слов она выскользнула из библиотеки. Нат тупо уставился на дверь.

Кто она? Он бы запомнил такую прелестную женщину. Ему всегда нравились интеллигентные женщины. Ее манеры и чувство юмора выдавали хорошее воспитание. Она ко всему прочему была умна, а выглядела лишь на несколько лет моложе его. Она не дебютантка. Возможно, они встречались в одну из его поездок. В ее голосе слышался легкий акцент. Но... все же она чертовски привлекательна! И теперь уж он запомнит их поцелуй под звездным небом!

С такими мыслями и счастливой улыбкой, в надежде скоро поцеловать незнакомку в саду, Нат открыл дверь и покинул библиотеку.

Боже, да что на нее нашло?

Габриэла поспешила вниз по коридору, выскочила на свежий воздух и вошла в балльный зал. Она обошла толпу, стоящую по периметру зала, и распахнула огромные стеклянные двери на террасу.

Конечно, она флиртowała с мужчинами до сих пор, но никогда легкий флирт не оборачивался таким образом. Она не хотела флиртовать с Натаниэлем Харрингтоном. Но она флиртowała! Пусть он первый начал. Но она позволила ему перешагнуть рамки приличия и подпустила к себе слишком близко.

Понравился ли он ей? Нет. Она ненавидела его и его старшего брата. Но она не могла не признать, что он очень красив и обаятелен. У него такая странная, многозначная улыбка, способная заставить женщину сомневаться в чистоте его истинных помыслов.

С другой стороны, она не могла не заговорить с ним. Ее чуть не поймали на воровстве. Если бы Натаниэль вошел на минуту позже, когда она уже вскрыла ящик, он застиг бы ее на месте преступления и отшутиться скарабеем стало бы сложнее.

Он сказал, что видел ее где-то. Глупая шутка про поцелуй и сад, вызванная неловкой ситуацией, помогла и одновременно еще более усложнила ситуацию. Главное, чтобы он не вспомнил о несуществующем брате Энрико Монтини, преследовавшем его в Египте. Того, что приходил к нему домой и спрашивал о Куинтоне.

Она понадеялась, что этот маскарад останется в тайне.

Остаться? Уйти? Габриэла остановилась на последней ступеньке длинной лестницы. Впереди начинались газоны, и несколько молодых людей, гуляющих под яркими окнами особняка, с любопытством взглянули на нее.

Поиграть с Харрингтоном еще? Неудобно смотреть мужчине в глаза после слов о неудавшемся первом поцелуе под луной, отложившем тяжелый осадок на ее душе. Кажется, именно так она сказала?

Простит ли он эти слова? С другой стороны, эта игра может дать ей нужную информацию. Например, о его брате. Вернулся он домой из Турции или еще нет?

Ксеркс настаивает на том, что, по слухам, Куинтон вернулся в Лондон. А слухам можно верить больше, чем фактам. И минуты, более удачной для того, чтобы подтвердить слухи, никогда уже не представится.

– Мне снова нужна ваша помощь, – вынырнул из вальсирующей толпы Натаниэль Харрингтон. – Я позабыл, что было первым – танец или прогулка?

– Думаю, прогулка по ночному саду с женщиной, неспособным запомнить имя леди, была бы неосмотрительным проступком с моей стороны.

Дьявол, она должна уехать при первой возможности. Можно позволить ему только один танец. Тонкий и слабеющий голос в ее голове сказал что-то про отсутствие воли и неспособности отказать мужчине, являющемуся ее врагом. Чушь.

Габриэла откинула в сторону мысль, что ей просто хочется с ним потанцевать.

– Да, конечно, леди не должна совершать опрометчивых поступков.

– Я имела в виду, что это может быть опасно для джентльмена. – Габриэле становилось весело.

Нат хмыкнул и посмотрел на нее свысока. Он стоял на две ступеньки ближе к балльному залу. Он протянул руку.

– Я так люблю вальс! – воскликнула Габриэла, положила свою руку в его ладонь и подумала о том, что это первые слова правды, которые ему пришлось сегодня услышать от нее.

Нат вывел Габриэлу на паркет, и через мгновение она вся ушла в музыку.

Едва вальс закончился, Нат увлек Габриэлу с танцевальной площадки.

– Итак? Танец немного освежил вам память?

– Нет. – Чувство неудовлетворения появилось на лице Натаниэля. – Вы дадите мне еще один шанс? Если вы не позволяете мне погулять с вами в саду, то я хочу пригласить вас еще на один танец.

Габриэла приподняла бровь.

– А вы настойчивый мужчина.

– Это одно из моих лучших качеств.

– Я бы не стала этим хвастаться.

– Я не хвастаюсь, я констатирую факт. – Нат подошел ближе и заговорил мягче: – Я запомню, я знаю. Обещаю вам это.

– Вы не держите своих обещаний.

– Я вам обещаю, – повторил он.

– Посмотрим. – Она отступила от него. – В любом случае меня мучает жажда. Не могли бы вы принести мне бокал пунша?

– Только при условии, что, когда я вернусь, я найду вас на этом же месте. Обещайте мне.

– Я подумаю над этим.

– Хорошо. – Он взял ее ладонь и поцеловал тонкие пальцы в перчатке.

Габриэла вздрогнула, наткнувшись на его взгляд, и подумала о том, что, встретиться они в другом месте и в другое время, все могло бы случиться по-другому... Если бы они действительно танцевали и целовались под звездами, если бы она верила его словам и становилась частью его мира? Возможно ли, что эта встреча превратилась бы во что-то необычное? Не в игру?

Нат отпустил ее руку.

– Я скоро вернусь.

Габриэла улыбнулась и ничего не сказала.

Натаниэль развернулся и пошел в другой конец террасы. Габриэла смотрела задумчиво на его удаляющуюся спину несколько секунд, стараясь не поддаваться чувству вины и сожаления. Затем быстро сбежала со ступенек и направилась в сторону заднего двора. Через минуту она уже сидела в карете.

– И? – Ксеркс обернулся к ней с места возничего.

Она тряхнула головой.

– Стол был закрыт. Я вернусь сюда, когда семейство заснет.

– Сегодня?

– Нет, такие балы заканчиваются только под утро. Завтра. Или послезавтра, думаю.

– Это плохая идея. – Ксеркс покачал головой.

– Знаю, но это мой единственный план, поэтому я не отступлюсь.

Она прикрыла окна кареты занавесками. Ксеркс захлопнул дверцу, пробормотав что-то невнятное и неодобрительное.

К лучшему, подумала Габриэла. Ксеркс согласился на ночную авантюру, потому что и у него не было другого плана, как помочь бедному Энрико. А присутствие рядом с домом Харрингтонов давало надежду на то, что он смог быть полезен Габриэле. Ксеркс многое знал о печати. Монтини доверял ему как себе.

Габриэла покачала головой.

Но поездка не была совершенно неудачной. По крайней мере она узнала расположение комнат в доме графа, увидела его библиотеку. А ее флирт с Натаниэлем Харрингтоном был... хм... забавным и довольно приятным.

Но этого никогда больше не повторится. Нат опасен.

Следует забыть его улыбку. Да, он очарователен. Но в любом случае она более очаровательна, чем он.

Натаниэль вошел на лестницу и осмотрел толпу гостей. Он даже не удивился, что незнакомка с голубыми глазами ангела не дождалась его в зале и покинула бал. Он удивился бы сильнее, если бы она до сих пор стояла здесь и ждала пунш. Возможно, он и забудет танец, но никогда не забудет поцелуя в библиотеке. Он не мог понять, что за обольстительную игру она ведет, но ему хотелось поиграть в нее снова. Этой ночью и при следующей встрече.

Он присел на скамейку и выпил ее пунш.

Что за игру она ведет? Он разозлился и почувствовал, что ее чары рассеиваются. Без сомнения, он увидит ее снова. Но на этот раз она будет не единственным игроком.

И она не победит.

Глава 3

Сердце Габриэлы громко стучало в груди. Она раздражалась и не могла сосредоточиться на предстоящей авантюре. Считая себя смелой и бесстрашной, она все же никогда еще не пробиралась ночью в чужой дом, чтобы обворовать его. Поэтому чувствовала себя преотвратительно.

Габриэла прижалась спиной к стене дома и шаг за шагом стала медленно спускаться к библиотеке. Большое окно в конце коридора освещало небольшую его часть, но все равно в доме было очень темно, и Габриэла боялась оступиться.

Как и в прошлый раз, они с Ксерксом подъехали к задним воротам особняка и оставили карету чуть дальше входа, чтобы не разбудить домочадцев стуком колес по брусчатке. Они вскрыли замок, прошли через сад, следуя длинным теням от деревьев и стараясь не попадать на открытые и освещенные луной участки подстриженного газона. Это оказалось легче, чем они ожидали. Габриэла переоделась в мужскую одежду, как когда-то в Египте, и заправила волосы под старую шляпу. Она все детство носила отцовские вещи, любила чувство свободы, которое они ей давали, и, вопреки предрассудкам, иногда надевала их в городе.

Казалось, что в доме все спят. Где-то наверху виднелись приглушенные пятна светильников, но в целом дом дышал спокойствием и тишиной. Ксеркс подстраховывал ее на каждом шагу по пути к дому. Несколько ламп горело прямо при входе – глупая трата денег, на ее взгляд. Они вошли в дом через французские двери, ведущие с террасы в бальный зал. Ксеркс с такой же легкостью вскрыл их, как и все предыдущие.

Но дальше Габриэле пришлось идти одной. Она обосновала это тем, что в случае их поимки у графа будет больше полномочий и желания разделаться с Ксерксом, чем с ней. И Ксеркс с трудом согласился с этим доводом. Если Габриэлу поймают, она расскажет графу всю правду о его братьях. Немногое, что ей удалось узнать о нем, сводилось к феноменальной честности. Жаль, что его братья были на него не похожи.

К тому же Габриэла была хотя бы наполовину англичанкой и походила на жулика меньше, чем Ксеркс.

Габриэла протянула руку к библиотечной двери, подождала немного, чтобы перевести дух и набраться недостающей ей смелости, затем медленно приоткрыла дверь и шагнула в комнату. Маленькая лампа слабо освещала письменный стол графа.

Габриэла быстро закрыла дверь, пересекла комнату, взяла лампу и подошла к столу секретаря. Ей нужно было видеть, что она делает.

Она вставила в замок отмычку. Ксеркс большую часть дня учил ее пользоваться этим незатейливым приспособлением и вскрывать замки. Это были очень полезные уроки.

Габриэле понадобилась минута или две для того, чтобы открыть замок, после чего она удовлетворенно улыбнулась. Это оказалось довольно легко. Спрятав отмычку, она выдвинула центральную часть ящика. Он был аккуратно заполнен различными карандашами, чернилами и другими вещами, необходимыми для мужчины, занимающегося корреспонденцией и бизнесом для графа, но здесь не было ничего интересного и важного для Габриэлы. Она открыла один из правых ящичков. В нем лежали папки с документами, разложенные в алфавитном порядке по темам. Слава Богу, что граф нанял такого квалифицированного и прилежного секретаря.

Габриэла стала просматривать папки. Они все были связаны с делами графа – земельными и наследственными вопросами. Ничего, связанного с действиями двух других Харрингтонов, Габриэла не увидела. Может быть, она найдет их в ящике на другом конце стола...

– Стерлинг? – Дверь резко распахнулась. – Ты еще не...

Габриэла едва успела натянуть шляпу и встретила взглядом с Реджиной Харрингтон.
– О Господи! – Леди Реджина обернулась в коридор. – Быстрее! Нас грабят!

Сердце Габриэлы чуть не выпрыгнуло наружу. Единственная вещь, которую, кажется, она не предусмотрела, было бегство. Но она и не думала, что ее поймают в два часа ночи. Габриэла лихорадочно огляделась и бросилась к ближайшему окну.

– Помогите! Он убегает! – закричала Реджина.

Габриэла нащупала скользящую раму в подъемном окне.

– Ну уж нет! – Реджина схватила со стены древний меч.

Проклятие, почему же окно не открывается?

– Не думайте, что можете вломиться в мой дом, а потом легко скрыться!

Реджина нервно обернулась.

– Натаниэль! Куинтон! Черт подери, они только что были со мной!

– Но теперь их рядом с вами нет! И я думаю, что большинство ваших слуг сейчас тоже спит. – Габриэла впервые обратила внимание на одежду Реджины – на ней было бальное платье. – Вы что, только вернулись? В такой час?

Мисс Харрингтон вспыхнула:

– Меня сопровождали мои братья! Но это вас не касается, где я была и с кем! Вы какой-то слишком общительный вор!

– Я не слишком общительный, – скривилась Габриэла и попыталась снова открыть окно.

– Вижу, у вас небольшая проблемка? Не сможете открыть окно? Мне так кажется, или замок заел?

– К сожалению, пока вы стоите в дверях, мне придется постараться выйти через окно. – Габриэла огляделась в поисках чего-нибудь большого и тяжелого, чтобы разбить стекло.

– Это отвратительно – прыгать на землю! – Леди Реджина покачала головой, все еще держа в руках меч, но не пытаясь им воспользоваться. – Вы сломаете себе шею.

– Я попытаюсь избежать этого! – Габриэла увидела кочергу, прислоненную к камину.

– Только попробуйте! Стойте и не двигайтесь! – крикнула Реджина и запустила в Габриэлу вазой.

Габриэла быстро наклонила голову, и ваза пролетела совсем рядом, сорвав с ее головы шляпу. Ваза разбилась о стену, и кусочки ее разлетелись по полу.

Реджина от удивления открыла рот.

– Вы – женщина!

– Да, я женщина! – Габриэла выпрямилась и размахнулась кочергой, чтобы разбить окно.

– Даже если вы не сломаете себе шею, вы будете не в состоянии убежать через сад! Я вас догоню!

– Клянусь, я отлично бегаю.

Леди Реджина задумчиво наклонила голову.

– Я вас знаю?

– Нет.

– Вы похожи на... Эмму! Леди Карпентер! Вот на кого вы похожа!

– Господи, разве не видно, что я не она? – «Да что это за Эмма?»

– Нет... – Мисс Харрингтон покачала головой. – Ваши волосы намного темнее, чем у нее. Здесь мало света, но вы все равно так на нее похожи...

– Простите, что вмешиваюсь в ваши размышления, мне пора. – Габриэла улыбнулась и повернулась к окну. Времени уже не оставалось. Странно, что еще никто из домашних не прибежал на крики младшей дочери семейства. – Я собираюсь выбить здесь окно, поэтому отойди-ка подальше.

– Я не позволю вам сделать это!

– Вы не сможете остановить меня. – Габриэла размахнулась кочергой и...

– Но я смогу. – Знакомый мужской голос прозвучал с другой стороны комнаты. – Бросьте кочергу! Быстро!

Габриэла едва не задохнулась. Это все-таки случилось. Даже если она разобьет окно, она не успеет взобраться на подоконник и выпрыгнуть наружу. Нат настигнет ее быстрее.

Она медленно положила кочергу на пол и затем повернулась, чтобы взглянуть Натаниэлю Харрингтону в глаза.

Он онемел от изумления.

– Вы!

Габриэла нашла в себе последние силы, чтобы выдавить улыбку.

– Мы снова встретились, мистер Харрингтон!

– И снова в библиотеке! – Он забрал у сестры меч и убрал его в сторону.

– Как интересно...

– Где вы все были? – вдруг всхлинула Реджина. – Почему никто меня не слышал? Я кричала, кричала! Меня могли убить, зарезать или изнасиловать!

– Я очень опасна, я знаю. – Габриэла старалась не опускать взгляд и придать себе решимость, которую отнюдь не чувствовала.

– О да, я не сомневаюсь, – сказал Натаниэль холодно. Адресовал он эти слова сестре, но по-прежнему не спускал глаз с Габриэлы. – Одному из слуг показалось, что он видел кого-то в саду. Мы с Куинтом пошли с ним, но, очевидно, он ошибся. Там никого не было.

Габриэла почувствовала облегчение, но постаралась не выдать его своим лицом. Слава Богу, Ксеркс успел уйти. Она немного успокоилась. Уж за себя она сможет постоять.

Она улыбнулась самой искренней улыбкой, на которую только была способна. – Клянусь вам, я была одна.

Натаниэль Харрингтон приподнял бровь.

– Простите меня, что я нахожу ваши слова лживыми, но я не вижу повода доверять вам.

– Слушайте, что тут, к черту, происходит? – Куинтон Харрингтон вошел в комнату под руку с женщиной, в которой Габриэла узнала его мать, графиню Уайлдвуд. А рядом шел Стерлинг Харрингтон.

– Отчего все так расшумелись? – спросила леди Уайлдвуд. Они с графом были одеты в ночные халаты и выглядели сонными. – Кто это?

– По-моему, к вам обращаются с вопросом! – Граф подошел к братьям и посмотрел на Габриэлу. – Кто вы и почему находитесь ночью в моей библиотеке?

– Она – вор, и я поймала ее. – Реджина самодовольно подняла голову и кивнула в сторону Натаниэля. – А он ее знает!

– Все, что я знаю, – проговорил не спеша Натаниэль, – что я никогда не целовал ее под луной.

– Сожалею. – Ироничная улыбка поползла по лицу Куинтона, который бесцеремонно разглядывал Габриэлу. – Я бы не отказался...

– Куинтон! – резко оборвала его мать. – Это не время для твоих глупых шуток! Может кто-нибудь принести сюда еще света, чтобы лучше ее разглядеть?

– Я ее прекрасно вижу... – пробормотал Куинтон и наткнулся на строгий взгляд матери.

– Итак... – повторил граф. – Давайте вернемся к началу. Кто вы и что вы здесь делаете? Габриэла колебалась.

Она хотела набраться смелости заговорить.

Она пожала плечами и спокойно подняла взгляд на графа.

– Я здесь, чтобы найти доказательство того, что ваши братья украли редчайший артефакт у моего брата. Это воровство убило его. – Она тяжело вздохнула. – Мое имя Габриэла Монтини.

Глаза Натаниэля от удивления округлились.

– Вот поэтому вы мне показались такой знакомой! Вы просто копия своего брата!

– Не говори ерунды! – воскликнул Куинтон. – Она даже издалека не похожа на Энрико Монтини! Он на двадцать лет старше ее и точно выглядит хуже!

– Монтини... – Задумчиво, будто припоминая что-то, пробормотала леди Уайлдвуд больше для себя, чем для остальных.

– Да не на того брата! – ответил Натаниэль. – На второго, что преследовал меня в Египте!

Габриэла удивленно смотрела на него. Он так и не понял, что это она была тем вторым братом, с которым он встречался в поездке. Она мысленно поблагодарила небеса за его невнимательность.

– Ты имеешь в виду того человека, которому ты наврал и которого отправил в Турцию на охотничью ферму?

– Невероятно, что она так похожа на него! – сказал Натаниэль. – Вы близнецы?

– Мы... как одно целое! – выкрутилась Габриэла.

Реджина потянула мать за рукав халата.

– Я подумала, что она очень похожа на леди Карпентер.

– Да, конечно, – так же задумчиво ответила графиня.

– Я боюсь, мисс Монтини, – сказал холодно Стерлинг, – что мне придется разобраться, зачем вы сегодня проникли к нам в дом. Я должен послать за полицией.

– Не думаю, что ее нужно арестовывать! – без предупреждения произнес Натаниэль.

От удивления Габриэла даже растерялась.

– Почему нет?

Граф тоже повернулся к брату.

– И правда?

– У нее есть благородная цель. Мы не брали печать, но кто-то это сделал и принес ей много боли. Мне не кажется, что мы должны ее арестовывать и отдавать в руки полиции.

Реджина фыркнула.

– Не верю своим ушам! Она пробралась в наш дом и... – Реджина ткнула пальцем в письменный стол. – Она рылась в документах брата!

– Говоря честно, я бы предпочла арест! – добавила Габриэла.

– Что за печать? – В голосе графа прозвучало раздражение. – Я хочу все выяснить и тогда сам решу, что с ней нужно делать! Мисс Монтини!

Габриэла кивнула и после паузы начала рассказывать:

– Мой брат Энрико Монтини всю жизнь провел в поисках древностей и редких артефактов, как и ваши братья, граф. Он изучал археологию и любил сокровища опять же как и...

– Ближе к делу, – взмахнул рукой Стерлинг.

– Возможно, было бы лучше пройти в гостиную, там можно хотя бы сесть! – Леди Уайлдвуд улыбнулась Габриэле.

– Да, конечно, – смущенно произнесла Габриэла.

Через несколько минут они все расселись в огромной гостиной, немного экстравагантной, но со вкусом меблированной. В спешке разбуженный слуга графа принес им бренди и разлил по бокалам. Леди Уайлдвуд и ее дочь сели на диван, Габриэла разместилась в одиночестве на стуле напротив графа и Натаниэля в креслах. Куинтон остался стоять возле камина.

– Мисс Монтини, надеюсь, вы продолжите, – сказал граф.

– Да-да... Итак, мой брат нашел старинную аккадскую печать с текстом по периметру, сделанную из нефрита, я думаю. Эти печати настолько редки потому... что они имеют цилиндрическую форму. На ней также много различных символов. Они были широко распространены в древнем мире. Когда прикладываешь ее к мокрой глине, такая печать оставляет четкий след. Это могла быть история, сообщение или значимый в религии знак.

Граф кивнул:

– Я знаю, о чем идет речь. У нашего отца большая коллекция таких печатей. Она где-то здесь, в доме.

– Печать Энрико нашел в местах, где принято искать Тайну девственницы, на печати было что-то такое, что дало ему повод так думать и посчитать, что она принадлежит городу Амбропия, – продолжила Габриэла. – Никто никогда не видел этот город, до сих пор он считался мифическим, и его упоминания встречаются только у древних греков. Такие места обычно называют бессмертными или потерянными городами. У него было другое, еще более древнее название, которое, к сожалению, полностью утеряно.

– Что-то наподобие легендарной Трои или Атлантиды, в которую многие верят, но доказательств ее существования до сих пор нет, – пояснил брату и матери Натаниэль.

– Но Энрико верил, что печать наконец-то прольет свет на достоверность города, что он сможет переписать некоторые темные места древней истории. У него появились доказательства! – Габриэла обернулась к графу. – Понимаете, он говорил, что эта печать сможет дать нам координаты этого города! Ведь это сенсация! Вы представляете, сколько всего похоронено под землей в том месте, где может быть этот город?

– Тайна девственницы... – мягко сказал Натаниэль и улыбнулся.

Леди Уайлдвуд с неодобрением посмотрела на младшего сына.

– Считается, что город защищает одна девственная богиня, – пояснил Натаниэль. – Ее настоящее имя тоже утеряно. До сих пор это считалось сказкой.

– Хорошая находка! – Граф повертел в руках бокал.

– И много сокровищ должно быть в этом городе? – спросила Реджина.

– Сокровища, дорогая сестра, – это в первую очередь знания о нашей и мировой истории! – решительно оборвал ее Натаниэль.

Габриэла удивилась. Неужели она ошибалась насчет него?

– Не только золото, но и много драгоценностей, бриллиантов, украшений! Даже крохотная их часть в моих руках была бы огромной удачей! – Куинтон отхлебнул бренди.

Однако Габриэла не ошиблась насчет их среднего брата.

– Продолжайте, мисс Монтини, – попросила леди Уайлдвуд.

– Когда Энрико собирался продемонстрировать и описать свою находку Контрольному комитету и Антикварному совету, он обнаружил, что настоящая печать украдена, а вместо нее лежит дешевая глиняная подделка. И увидел он это уже в совете, когда развернул печать. Это его повергло в шок.

– Могу себе представить! – вздохнул граф.

– А вот я слышал от людей, – вдруг заговорил Куинтон, – что Монтини разъярился, сошел с ума и обвинил совет во всех грехах. – Он глянул на Габриэлу. – Члены совета немного не поняли такого оборота событий и изгнали его с позором.

– Да, они это сделали. – Она глубоко вздохнула. – Он поставил себе цель найти вора, вернуть печать и реабилитировать себя. – Она от волнения поднялась и зашагала по комнате. – Это случилось год назад. Энрико покинул Лондон и уехал в Турцию, оттуда отправился в Персию, а потом в Египет, где в тот момент находились потенциальные... хм... воры...

– Включая моих братьев? – спросил граф.

– Да, их имена были в небольшом списке подозреваемых. Его письма становились... – Габриэла запнулась. Было ли предательством рассказывать им о его болезненном состоянии? Да и было ли это важно для ночной истории? Наверное, уже не важно. – ...все менее и менее разумными. Этот поиск быстро убивал его, он перестал доверять людям. И шесть месяцев назад он умер.

– И вы вступили в эту игру вслед за ним? Стали подозревать всех людей? – спросил граф.

– Я же говорю, он умер от лихорадки, в бреду! Но после этого я тоже стала подозрительной. Я теперь самый подозрительный человек на свете. – Габриэла села на свое место. – И теперь я хочу найти печать и восстановить репутацию своего брата.

Реджина фыркнула.

– Но вы же женщина!

– Не обращайтесь внимания, – утешительным тоном обратилась к Габриэле старая графиня. – Я считаю что вы, мисс Монтини, прекрасно справитесь с этой задачей.

Габриэла опустила взгляд.

– Это мое обязательство перед братом.

– Я вижу... – Граф посмотрел на Натаниэля.

– Клянусь вам, я ничего не брал у Монтини! – воскликнул Натаниэль.

Взгляд графа, проследовав по лицам всех присутствующих, остановился на Куинтоне.

– Почему вы все уставились на меня? Я не брал печати Монтини! Я вообще ничего никогда у него не брал! – Куинтон одним глотком допил третий бокал бренди и со звоном поставил его на столик. – В последнее время...

– Стерлинг! – Леди Уайлдвуд обернулась к своему старшему сыну. – Ты можешь как-нибудь повлиять на ситуацию? Ты ведь член этого совета!

Граф покачал головой:

– Это всего лишь почетная должность, мама. И только потому, что наш отец оставил ее мне по наследству. Мое слово им не закон, я ничего не смогу сделать.

– Ладно, но мы ведь должны как-нибудь помочь ей!

– Почему? – удивленно выдохнула Габриэла.

– Почему? – повторил Натаниэль.

– Мне кажется, что ситуация всем ясна. Лично для меня репутация Монтини не подлежит сомнению. Очевидно, он был хорошим человеком и хорошим ученым. Но вы забываете, что эта история может повредить нашей репутации! Все равно мисс Монтини либо расскажет эту историю полиции, либо продолжит свои поиски. И имена воров станут известны всему Лондону. Но пока это произойдет, с нашим домом будут связывать начало этой истории. Взлом обрстет слухами, которые дойдут и до совета, так как вы трое там очень известны. Твоя репутация, Натаниэль, тоже будет под угрозой. – Графиня посмотрела на Куинтона. – А твоя и так довольно сильно запятнана. Поэтому я не удивлена, что мисс Монтини пришла в наш дом.

Куинтон развел руками:

– Ты защищаешь человека, ворвавшегося к нам в дом ночью! Она чуть не убила твою дочь!

Габриэла чувствовала, что краснеет.

– А если бы ее не раскрыли?

– Плохой был план... – быстро сказала Габриэла.

– Да, план был неидеальным, – кивнула леди Уайлдвуд. Но... я хочу сказать всем вам, что мисс Монтини произвела на меня впечатление интеллигентной молодой женщины. Не думаю, что она действительно могла бы воспользоваться кочергой как оружием.

– Каким оружием, мама? – удивился граф.

– Которое лежало около окна, когда мы с тобой вошли в библиотеку, мой милый. Но я говорю о том, что у этой девушки в руках еще более сильное оружие против нашей семьи, о котором она в силу своей наивности не подумала. Это оружие – честь нашей семьи, находящаяся в данный момент под угрозой. На ее месте я бы сразу обратилась с письмами брата в полицию или к журналистам. Если эта история станет публичной, минимум за двумя людьми из этой семьи будет еще очень долго тащиться шлейф из скандалов. Это в наших же интересах – закончить все тихо и мирно сегодня, в этой комнате. И пусть ни намек, ни слова об этой истории не вылетит из нашего дома. Иначе мы еще долго не отмоемся от подозрения и сплетен.

Реджина взмахнула руками:

– Ведь это может повредить моей репутации! И я не смогу выйти удачно замуж! Я умру с горя! Все будет разрушено!

– Понятно... – протянул граф, не поднимая глаз на Габриэлу. Он был немного рассержен на мать из-за того, что она раскрыла все карты перед мисс Монтини. – Как ни сложно мне об этом говорить, но я должен предложить вам принять нашу помощь. Мы не доверяем вам, вы не доверяете нам. Но я не вижу иного выхода из этой ситуации.

Габриэла удивленно оглядывала семейство.

– Сказать честно, сэр, я не знаю, что ответить. Не предполагала такого завершения вечера.

– Могу я спросить вас, моя дорогая? – Леди Уайлдвуд поправила на голове чепчик. – Был Энрико вашим кормильцем и наставником?

– Да, – не подумав, сказала Габриэла. С другой стороны, она наконец-то не соврала.

Графиня задумчиво изучала ее.

– И у вас нет другой семьи?

– Нет. – Кроме, конечно, родственников, которых она никогда не видела. Так что это тоже было правдой.

– Кроме второго брата, которого я встречал в Египте, – вдруг вспомнил Натаниэль.

– И я больше ничего о нем не слышала после того случая, – быстро нашла Габриэла. – Он уже в Турции. Или... – Габриэла не любила врать, хотя в последнее время у нее получалось довольно неплохо, – скорее всего он уехал далеко-далеко и навсегда.

Подозрение мелькнуло в лице Натаниэля. Он не был таким тупым, как, может быть, сначала ей показалось. Это был только вопрос времени, особенно после того, как сегодня вечером он узнал всю правду. Что он сейчас думает о ней? Она проигнорировала его вопрос и его взгляд. В конце концов, не все ли равно, какие выводы он сделает?

– Значит, решено. Те, кто привлек эту историю в нашу семью, и будут за нее отвечать. Куинтон и Натаниэль, вы поможете мисс Монтини найти печать и восстановить доброе имя ее брата.

Куинтон посмотрел на мать и презрительно усмехнулся:

– У меня есть множество других, более важных дел на ближайшее время.

– У меня нет, – сказал Натаниэль и спохватился. – То есть они у меня есть, но мне очень хочется найти этот древний артефакт. Мы могли бы переписать историю, раз так получилось, что эта история и информация сами пришли в наш дом. Это вопрос карьеры и репутации.

– Репутации моего брата! – уточнила Габриэла.

– Без разницы. Он все это затеял, и его имя не исчезнет без следа.

– Я предполагаю, что эта печать имеет огромную ценность и была бы удачливым приобретением любого музея или коллекционера, – сказал граф.

– Да, это правда, – рассердилась вдруг Габриэла. – Но я повторяюсь: это находка моего брата! И он хотел, чтобы она принадлежала Антикварному совету!

– Превосходно, моя дорогая. Не хотелось бы, чтобы вас сбили с правильного пути, – сказала ласково леди Уайлдвуд. – Но меня по-прежнему интересует финансовая сторона вопроса. Я не совсем понимаю, на что вы живете сейчас. Ваш брат был в таких же зависящих от непредвиденных обстоятельств условиях, как и мои сыновья. Они получают деньги от грантов, фондов, от музеев и организаций, таких, как этот ваш Антикварный совет. – Габриэла заметила в ее глазах беспокойство. – Но у моих сыновей есть достаток от семьи. А вы потеряли обоих братьев, ваше положение должно быть крайне... тяжелым!

– Я должна признаться, – Габриэла аккуратно подбирала слова, – что состояние дел моего брата после его смерти несколько меня шокировало.

– Я не удивлена, – сказала хозяйка дома. – Мой муж был заядлым путешественником и почетным членом Антикварного совета. Он питал страсть к древностям и их изучению. У нас в доме частенько проходили целые званые обеды для его друзей и коллег, таких же, как ваш брат, мисс Монтини. Дискуссии заканчивались далеко за полночь, а рассказы о путешествиях и находках продолжались уже при восходе солнца. Я всегда знала, что эти люди более увлечены прошлым, чем настоящим, и редко интересуются финансовой стабильностью собственной жизни. Сомневаюсь, что ваш брат существенно отличался от них. Поэтому... – Леди Уайлдвуд оглядела детей и улыбнулась. – Я предлагаю, чтобы, пока ситуация не решится и печать не будет найдена, мисс Монтини осталась в нашем доме как гостя.

– Что?! – воскликнул граф.

– Абсурд! – Реджина с надеждой посмотрела на братьев.

– Безрассудно, но интересно. – Куинтон уставился на Габриэлу.

Натаниэль развел руками.

– Я думаю, что это прекрасная идея, мама! Ты, как всегда, великолепна! Мы не доверяем ей, она не доверяет нам. Что может быть лучше, чем приглядывать друг за другом.

Габриэла покраснела. Отличная идея – жить с обоими братьями под одной крышей! Один вульгарно оглядывает ее, другой танцует с ней и ведет себя так, будто являлся ее партнером. Он флиртует с ней и заставляет чувствовать себя не в своей тарелке.

– Я не уверена, что...

– Мама! – наконец-то заговорил граф, – я не могу поверить, что ты приглашаешь незнакомку остаться в нашем доме!

– Она не совсем незнакомка, Стерлинг. Я знала ее мать.

Габриэла подняла голову и тоже посмотрела на графа.

– Это правда. – После смерти брата я нашла связку писем моей матери. Одно из них было от вас.

– Мне очень грустно было слышать о ее смерти, а затем о смерти вашего отца, Габриэла.

– Это случилось давно. – Габриэла безразлично пожала плечами, будто это не имело для нее уже никакого значения.

– Вы должны были прийти ко мне и поговорить начистоту, прежде чем вламываться ночью в дом. Я бы помогла вам, чем смогла! Это был бы разумный поступок. А ваши скрытые и обдуманные методы...

Габриэла готова была провалиться сквозь землю.

– Мои искренние извинения...

– Я надеюсь, что мы с вами на днях совершим длительную прогулку по саду и поговорим о вашей матери. Мне кажется, у вас есть много вопросов ко мне.

В горле у Габриэлы запершило. Она никогда не думала, что леди Уайлдвуд окажется такой прекрасной женщиной и захочет с ней поговорить о человеке, который дал ей жизнь. Она старалась реже думать о матери и едва припоминала неясный портрет, который хранился в доме отца. Портрет был утерян или выброшен ее родственниками сразу после его смерти.

Габриэла тяжело вздохнула.

– Вы очень добры.

– Значит, решено. – Леди Уайлдвуд поднялась с дивана и расправила плечи.

Остальные последовали ее примеру.

Жить с Харрингтонами не входило в план Габриэлы. Но это было действительно хорошей идеей. Если хочешь узнать секреты врагов – лучше всего пожить среди них. К тому же леди Уайлдвуд искренна, любезна и понравилась Габриэле.

– Уже поздно, дети мои, и я хотела бы удалиться, – сказала графиня, зевнув. – Я прикажу, чтобы вам подготовили комнату, моя дорогая, – обернулась она к Габриэле. – Вы можете послать за своими вещами завтра утром. – Она оценивающе оглядела одежду Габриэлы. – Надеюсь, у вас есть нормальные, соответствующие женщине вещи?

Габриэла вздохнула:

– Но мне необходимо послать сообщение. Сейчас. Одной леди... которая является старинной подругой... моих братьев. – Это было практически правдой. – Она будет беспокоиться, если не найдет меня в спальне утром.

– Вы очень заботливая девушка, моя дорогая. – Графиня открыла дверь, ведущую в коридор, и посмотрела на дочь. – Ты идешь?

– Да, мама. – Реджина последовала за графиней.

– Мы должны наконец выспаться. Вы найдете письменные принадлежности в столе мистера Деннисона. Впрочем, вы уже знакомы с расположением его вещей в библиотеке, – сказал граф.

Габриэла уже не знала, как ей реагировать на его колкости.

– Куинтон, – он зашагал прочь, – ты идешь?

Куинтон прикончил очередной бокал бренди, поставил его на каминную полку и подошел к Габриэле.

– Мисс Монтини! – Он, кривляясь, поцеловал руку и уставился в разрез ее рубашки. – Это был очень... поучительный и незабываемый вечер! Жду не дожусь нашей следующей встречи...

Он выпустил ее руку и, напевая, направился к двери.

– Эндрюс покажет вам вашу комнату, когда вы будете готовы, – снова заглянул в гостиную граф. – Спокойной ночи, мисс Монтини.

– Лорд Уайлдвуд. – Габриэла присела в реверансе.

Он обменялся долгим взглядом с Натаниэлем, и младший брат вышел вслед за ним из комнаты. Через мгновение он вернулся.

– Пишите ваши записки, мисс Монтини, – строго произнес он.

Она вернулась в библиотеку знакомой дорогой и села в кресло за столом мистера Деннисона.

Она хотела написать две записки. Одну Ксерксу и Мириам с сообщением, что с ней все в порядке. А вторую – Флоренс. Габриэла положила обе записки в один конверт. Она была уверена, что Ксеркс до сих пор следит за домом и волнуется за нее. Он, без сомнения, должен перехватить ее записки прежде, чем они попадут к Флоренс. Последняя же не должна ни о чем догадаться.

Она должна была сказать Флоренс правду, но написала, что приглашена погостить в доме старинной подруги своей матери. После вранья о своих истинных доходах и всей этой ерунды со вторым братом эта маленькая ложь даже не считалась ложью.

Габриэла небрежно подписала быстрое сообщение Ксерксу, затем взяла чистую бумагу и начала письмо Флоренс.

– Вы хотите писать записки всю ночь? Не многовато ли? – послышался голос от двери библиотеки.

Габриэла зло посмотрела на Натаниэля.

– Мне нужно многое сказать. Я не хочу, чтобы она волновалась.

– Неужели вы не рассказали этой женщине правду о своих ночных похождениях? О том, что тайно пробрались в чужой дом, например?

– Нет!

Габриэлу затрясло как в лихорадке. Ей было сложно сосредоточиться на письме под пристальным взглядом Натаниэля. Усталость и нервы давали о себе знать.

– Вы собираетесь протереть на мне дырку своим взглядом?

– Я вам могу гарантировать, мисс Монтини, что планирую не покидать вас в этом доме ни на минуту. Вы теперь под моим зорким наблюдением.

Глава 4

– Прекрасно. – Габриэла попыталась сосредоточиться на письме. – Но тогда постарайтесь держаться так, чтобы сама я вас видела как можно реже.

Очевидно, она собиралась писать не одно письмо. Натаниэль прищурился, стараясь разглядеть, о чем она пишет. Он задал ей вопрос о втором письме, она молчала и продолжала писать. Снова вопрос. И снова молчание.

Габриэла сложила письма, засунула их в конверт и запечатала.

Натаниэль наблюдал за ней и думал, что даже такое количество мошенничества и вороватости не сделали ее менее привлекательной в его глазах. Даже наоборот. Она интриговала. Он всегда старался говорить людям правду, и ему была неприятна любая ложь. Здесь же ее оказалось слишком много. Зачем? Как эта прелестная девушка может врать с такой легкостью?

– Мы никогда не встречались прежде. – Это было утверждение, а не вопрос.

Она написала на конверте адрес.

– Я этого не говорила. Это вы решили, что где-то видели меня, и спросили, встречались ли мы прежде. А я всего лишь спросила, помните ли вы меня. И вы сказали, что нет.

– Я не помнил, потому что помнить было нечего.

Какой же он глупый и навязчивый!

– Не важно. – Габриэла закончила писать адрес, сделала росчерк пером, отставила чернила и посмотрела на Натаниэля. – Вы этого тогда не поняли. Вы думали некоторое время о той ерунде, которую я вам наговорила про поцелуи. Вы честно пытались вспомнить несуществующий первый поцелуй. Это было очень оскорбительно для меня.

– Да как же это может быть оскорбительно, если ничего не произошло? Мне нечего было помнить, вы пудрили мне мозги и выставили идиотом!

– Но если бы это произошло и вы бы об этом не помнили, это было бы очень оскорбительно для девушки.

– Если бы это произошло, я бы об этом не забыл!

– Не важно. Мы оба говорим глупости, – сказала Габриэла таким тоном, чтобы он понял – у нее есть большие сомнения насчет его памяти и забытых девушках. Габриэла ничего не знала о его личной жизни, но ей казалось, что все мужчины, находящиеся под влиянием Куинтона, должны быть развратниками и ворами. И уж если ее брат написал их имена первыми в списке подозреваемых, то, значит, так оно и есть. И переубедить ее в этом будет очень сложно.

Она заклеила конверт.

– Несмотря на поздний час, я хотела бы, чтобы это письмо было тотчас отправлено мистеру Малдуну. Он и его жена были ближайшими моими... ближайшими друзьями мисс Генри. Работали на нее многие годы. Мистер Малдун не болтлив и весьма честен, и он проследит за тем, чтобы письмо попало в нужные руки утром. Мне было бы стыдно будить мисс Генри в такой ранний час. Я уверена, что мистер Малдун еще бодрствует.

Натаниэль взглянул на адрес. Это был респектабельный, но не особенно модный район по соседству.

– Мне кажется, что посыльный, которого я отправлю к вам в дом, доберется туда прежде вашего мистера Малдуна.

Габриэла удивленно наклонила голову.

– Неужели?

– Да ладно вам, мисс Монтини, вы иногда даже производите впечатление интеллигентной женщины, которая не скитается по ночным улицам Лондона в полном одиночестве.

Поэтому логично предположить, что ваш лучший друг и напарник сейчас находится неподалеку и с тревогой смотрит, чем закончится дело и скоро ли погаснет в доме свет. Вам не помешало бы иногда признаваться честно!

– Уверяю вас, мистер Харрингтон, что я была абсолютно одна.

– Не верю.

Натаниэль скрестил руки на груди.

– Я никогда не была столь одинока в своей жизни, как в эту ночь и в эту минуту. – Она зевнула, встала из-за стола и направилась к двери, будто бы ничего и не произошло. – Если у вас больше нет ко мне вопросов, не терпящих отлагательства на завтрашний день, могу я наконец пойти к себе в комнату и немного поспать? – Габриэла старалась не смотреть ему в глаза. – Это был очень... насыщенный событиями вечер.

– Так вы не собираетесь сегодня взламывать еще дома в окрестностях? Их тут много. Как часто вы это делаете?

– Не каждую ночь, мистер Харрингтон, – сказала Габриэла легкомысленным тоном. – Не каждую.

– И много уже взломали?

– И много уже взломала. Вы пытаетесь убедить себя, что воровство богатых домов не является моей любимой и выбранной с детства профессией?

– Вы не профессиональный вор. Иначе вас бы не поймала моя сестра.

– Обстоятельства сложились неблагоприятно, – отмахнулась Габриэла. – В следующий раз я буду более предусмотрительна и спрошу совета у вас, как у более опытного и сведущего вора.

Она опять издевается над ним?!

– Мне приятно слышать, что вы считаетесь с моим мнением, мисс Монтини. Мы даже смогли бы работать вместе.

– Вы хотите вместе взламывать дома в ближайших окрестностях?

– Но мы предварительно хорошенько подготовимся, чтобы не ошибиться. – Он отступил перед ней и открыл дверь. – Мисс Монтини, я буду счастлив проводить вас до вашей комнаты.

– Насколько я помню, граф что-то говорил о дворцеком... – Габриэла проскочила мимо Натаниэля в коридор с таким самоуверенным видом, будто находилась с кавалером на балу и была одета в пышное праздничное платье. Натаниэль никогда не представлял, что мужская одежда может настолько украшать и подчеркивать все женские прелести. Штаны плотно облегли ее стройные ноги, рубашка у шеи расстегнулась больше обычного и открывала загоревшую шею и родинку на ней. Все в этом теле было... прекрасно.

– Мой брат посчитал, что я сделаю это лучше нашей прислуги. Налево, пожалуйста.

Габриэла не оборачивалась и быстро шла по ступеням впереди, как по собственному дому.

– Вы пропустили меня вперед, чтобы не упустить из виду?

Натаниэль кивнул:

– Именно.

Габриэла снова улыбнулась такой странной и многозначной улыбкой, к которой Натаниэль уже начал привыкать. Он видел, что эта девушка настроена решительно и, как и он, намерена выйти из игры победителем.

Он провел ее на второй этаж. Мать попросила Эндрюса приготовить комнату в том же крыле дома, где жила она, Реджина и Стерлинг. Натаниэль и Куинтон решили, что лучше будет поселить ее в незанятую комнату рядом с Куинтоном и напротив комнаты Ната – прямо через небольшой холл. Это была превосходная идея. По многим причинам.

Натаниэль остановился у ее комнаты и приоткрыл дверь.

– Надеюсь, она вас удовлетворит.

Габриэла заглянула вовнутрь.

– Ничего. Спасибо.

– Лакей будет здесь утром для того, чтобы проводить вас к завтраку.

– Вы хотите сказать, что он будет стоять у двери всю ночь, охраняя меня? Вдруг я решу сбежать или снова зайти в библиотеку?

Натаниэль перестал улыбаться.

– Если это необходимо...

– Я пошутила, – едко произнесла Габриэла. – Если только вы не хотите заключить меня таким образом в камеру и содержать как заключенного.

– Совсем нет, мисс Монтини. Вы наша гостья. – Натаниэль вежливо поклонился ей. – И я надеюсь предположить, что вы будете вести себя надлежащим образом.

– Не волнуйтесь, я знаю, как вести себя в обществе, мистер Харрингтон.

– А в последние дни, когда вы взламывали дома и пробирались на званые вечера, куда вас никто не звал, это было просто отклонение от нормы? Помрачение рассудка?

– Мне кажется, я вам уже все объяснила. – Она стиснула зубы. – Мои действия были вызваны необходимостью.

– Честно говоря, они были бесполезны и безнравственны. Так не ведут себя в светском обществе. Вы должны были прийти и поговорить с моей матерью или со Стерлингом. Вы должны были наконец прийти ко мне. И мы бы серьезно поговорили.

– Вы же не слушали в Египте. Вы наврали.

– Возможно, я слушал и кое-что запомнил. А возможно, я тоже не прав. В следующий раз, когда я увижу вашего брата, я перед ним извинюсь. Я уверен, мы скоро услышим про него.

– Ну да! Ждите!

– Мисс Монтини, если мы будем работать с вами вместе, нам придется хоть немного доверять друг другу. Это необходимо. Я уверен, что утром вы расскажете мне все, что знали о брате и о его находке. Все, что связано с печатью, местом его поисков, о его письмах, о его сомнениях. Пусть даже насчет нас с Куинтоном. Пусть эти письма наполнены злостью и обидой. Но в них должно быть что-то еще, то, что вы могли нечаянно пропустить.

– Вы очень чувствительный человек.

– Не ерничайте!

– Я не хотела. Я должна признаться, я об этом уже подумала. Я попросила прислать письма брата вместе с моими вещами.

Натаниэль взвесил в руке запечатанные сообщения.

– Кстати, я должен немедленно отправить эти два.

– Спасибо вам за помощь.

Габриэла собиралась войти в комнату, но потом снова обернулась к нему, прикрыла дверь и прижалась к ней спиной, будто не хотела, чтобы он увидел расстеленную кровать и не вздумал воспользоваться ею. Стоит только дать шанс, и он попытается это сделать. Натаниэль посмотрел на ее лицо, прочитал мысли и улыбнулся. Ему и впрямь пришла в голову эта идея. Придется выбросить ее из головы.

– Мистер Харрингтон?

– Да?

– Могу я задать вам вопрос?

– Конечно.

– Почему вы это делаете?

Натаниэль пожал плечами:

– Потому что это большой и темный дом. А кроме библиотеки и гостиной вы здесь ничего толком не знаете. Не хотел бы, чтобы вы заблудились и ушли в другое крыло, напугав Стерлинга.

– Я не о том. Я имела в виду не ваше сопровождение меня до комнаты... – В голосе послышалась нотка раздражения. – Я могу понять, почему ваша мать решила помочь мне. Она надеется не допустить скандала, и я думаю, что ее теплые отношения с моей матерью играют здесь немаловажную роль. Но об этом я поговорю с ней завтра. Но вы? Почему вы собрались помочь мне и всячески спасали меня от своего старшего брата и ареста?

– По многим причинам.

Натаниэль подумал, что главной причиной являются ее синие глаза и изгиб ее плеч в персиковом платье. Но сказал другое:

– Начну с того, что я слишком долго и утомительно работал над восстановлением имиджа своего брата. И сейчас подозреваю его не меньше вашего. Это первая и личная причина моего участия в этом предприятии. Во-вторых, мы говорим об открытии века! Очень интересном и важном открытии. И я хочу сыграть не последнюю роль в этом. – Натаниэль прислонился плечом к двери и глянул на Габриэлу сверху. – Ну и потому, что хочу узнать вас получше. Надеюсь, в вас скрыто многое, что мне понравится и не доставит разочарования.

Габриэла подозрительно посмотрела ему в глаза.

– Вы говорите правду?

– Почему вы никогда не верите правде?

– Но почему?

– Потому что я не могу думать ни о чем, кроме вас, после нашей первой встречи. Вы видите, мисс Монтини, вы сделали большую ошибку тем вечером, когда первый раз пришли к нам в библиотеку.

– Неужели?

– Именно. Вы заставили меня думать, пусть и недолго, что мы с вами однажды обменялись поцелуями. Мысль о том, что я не помню этого поцелуя, свела меня с ума. В любом случае... – Натаниэль приблизился к ней, – даже после того, как вы сбежали с бала и я осознал, что вы посмеялись надо мной, ничего в моих чувствах к вам не изменилось. И измениться не могло. Это был прекрасный вечер, и библиотека теперь – мое любимое место.

– Чушь... – слабо произнесла Габриэла.

– Да нет, не чушь, раз я не мог столько дней выбросить из головы идею поцеловать вас снова.

Она тяжело дышала.

– И вы собираетесь снова поцеловать меня сейчас?

– Я подумывал о большем.

– Да как вы смеете...

– Мисс Монтини, я уверен, вы понимаете, о чем я. Вы же смотрите иногда в зеркало. Примеряя платья либо эту мужскую одежду? Вы довольно привлекательная женщина. Ваши глаза полны огня, мисс Монтини, когда вы злитесь, негодуете или ощущаете себя в западне. И ваши губы... – Натаниэль посмотрел на ее губы, затем вернулся к глазам, – молят о поцелуе. Они требуют поцелуев, они созданы для них! Для частых, страстных и прекрасных поцелуев... Мисс Монтини... – Он приблизил свои губы к ее губам. – Вы совершенно... неотразимы.

Его губы легко прикоснулись к ней, и через мгновение она замерла.

Затем рассмеялась:

– О Боже! И неужели это действительно действует на женщин?

Он резко выпрямился.

– Что?

– Все эти «ваши глаза сияют, как звезды, и ваши губы манят, как спелые вишенки»! Ерунда!

– Что-то я не припоминаю, что говорил о звездах... – Натаниэль начинал улыбаться. Он видел, что она смущена.

– Наверное, вы о них подумали, а я прочитала ваши мысли!

– Вероятно.

Габриэла прищурилась.

– Вы никак не можете взять в толк, мистер Харрингтон, что я здесь не для того, чтобы крутить с вами романы. Я не хочу быть вашим другом, и уж тем более не хочу стать вашей... любовницей. – Ее глаза сверкнули в темноте, и она стала еще более притягательной. – Я здесь для того, чтобы выяснить правду. Нам будет очень трудно работать вместе, но ради результата я постараюсь это сделать. Мы с вами будем вместе искать печать. Но не более того.

– Да, конечно. – Натаниэль не отрывал взгляда от ее губ. – Но я не вижу ничего плохого в том, чтобы одни отношения подталкивали к другим, более интересным и серьезным.

– Не думаю, что это когда-либо случится.

– Вы должны мне поцелуй, вы помните об этом? Вы и сами хотите этого. – Он взял ее руку. – Вам ведь нравятся поцелуи при луне?

– Что-то не вижу здесь луны.

– Вы сохраняете ее свет в своих глазах.

– Ах, мистер Харрингтон! – Габриэла положила руку ему на щеку, и ее голос смягчился. – Вы самый очаровательный негодяй, какого я когда-либо встречала. Видите, я тоже умею говорить правду. Я представляю, как много женских сердец вы разбили. К счастью, – она ласково взглянула ему в глаза, и его дыхание сбилось, – я не одна из них.

Она быстро убрала руку и распахнула дверь.

– Спокойной ночи!

– Мисс Монтини! – Натаниэль снова схватил ее руку и прижал к губам. – Хочу, чтобы вы знали, я не такой негодяй, который легко сдается и признает поражение. – Он поцеловал ее ладонь, и Габриэла вздрогнула. – Но я думаю, что это будет погоня не только за древним артефактом, но и... за артефактом большей значимости, чем Амбропия. Вы можете считать это за предупреждение. – Натаниэль отпустил ее руку и отступил.

– Я буду продолжать думать о том, что меня преследует и пытается соблазнить легкомысленный негодяй. Считаю, что его попытки лишь усложняют нашу общую задачу и не имеют никакого отношения к древним артефактам. Не хочу больше комментировать наши отношения. Я начинаю от них уставать. Спокойной ночи.

Она закрыла дверь прямо перед его лицом. Натаниэль услышал, как она задвигает щеколду.

Он постучался в дверь.

– Я не сделал ничего в своей жизни, чтобы заслужить звание негодяя. Постарайтесь запомнить это.

– Пока не сделали ничего, что могло бы опровергнуть это мнение, – послышался голос Габриэлы из-за двери.

– Но вы понимаете, что я полон решимости поцеловать вас при свете луны или солнца. При звездах, в библиотеке, при свете лампы. Где угодно. И я сделаю это.

– Я не буду заключать с вами пари, мистер Харрингтон. Я очень устала.

– Хорошо, я ухожу. Но не забывайте о вашем долге, мисс Монтини.

Приглушенный смех был ему ответом.

Натаниэль несколько секунд еще смотрел на закрытую дверь, затем улыбнулся. Габриэла и ее сердце, без сомнения, были намного более интересны в этой сделке, чем любое

другое сокровище. У нее было время подумать над его словами. До утра. И во все дни их совместного путешествия.

Натаниэль медленно пошел в сторону своей комнаты через коридор. Больше всего в этой ситуации его действительно интересовала роль Куинтона. Он должен был убедиться, что брат не причастен к подмене печати. Не то чтобы Натаниэль его подозревал, но Куинтон часто врал. Ради своих целей он был способен исказить факты. Просто его делишки пока никогда не затрагивали честь семьи. Возможно, Куинт знает о Монтини и печати намного больше, чем должен.

Несмотря на вовлеченность брата в эту историю или полное его неведение, Натаниэль не мог не предвкушать новые приключения и волнения. Он не знал, сможет ли разгадать тайну этой печати, но, черт... какие же увлекательные получаются эти поиски! Печать или женщина? И что может стать лучшей находкой?

Габриэла прижалась ухом к двери. Она слышала, как Натаниэль медленно удаляется в свою комнату. Его шаги стихли, открылась дверь. Значит, он живет прямо напротив нее? Интересно, кто решил ее так поселить?

Впрочем, не важно. Он мог бы спать и в ее комнате, на соседней кровати, и ее бы это нисколько не побеспокоило.

Габриэла тяжело вздохнула и огляделась. Комната оказалась намного больше, чем ее собственная, и, конечно, роскошнее. Здесь можно было бы прожить всю жизнь. Сюда бы вошли все ее вещи плюс вещи мисс Флоренс. Слишком шикарная комната. Габриэла не привыкла к таким.

Она заметила на стуле ночную рубашку с изящными рюшечками. Наверняка это наряды Реджины, которыми ее попросили поделиться с гостьей. Габриэла быстро переоделась, погасила свет и забралась под одеяло.

Так странно было спать в чужом доме. В чужой кровати. Кто спал здесь до нее? Какие именитые гости?

Да, надо признать, ее планы провалились. Все пошло кувырком. Нужно было найти одну, всего лишь одну бумажку, подтверждающую, что Харрингтоны знают о печати. О том, что в отцовской коллекции у Стерлинга появилась новая вещь, подарок братьев. Это казалось таким легким заданием! Теперь же она напоминала себе узника, окруженного опасными соседями. Ни выйти из комнаты, ни чихнуть. Странно, что после всех ночных событий она чувствовала себя гостем в доме Харрингтонов. Хотя это может пойти на пользу.

Она ожидала, что леди Уайлдвуд спасет ее от полиции и ареста, проникнется больше остальных ее ситуацией. Зачем графине нянчиться с сиротой и разговаривать с ней о ее матери? Какая такая ностальгия заставляет ее идти навстречу воровке? Неужели у них была столь сильная дружба, что для этого она буквально вырвала Габриэлу из рук полиции? Это было единственной вещью, о которой она не написала Ксерксу в ночном послании.

Иногда ей становилось интересно, кем же была ее мать. Из какой она семьи? Знакома ли с ними леди Уайлдвуд? Письма, которые Габриэла получила в наследство, не проливали света на этот вопрос. Мать сохраняла только сами листки, без конвертов и обратных адресов. Большая часть писем была написана сестрами матери. Там не было ничего интересного — одни сплетни о неизвестных людях с сокращенными именами типа К. и Л. В одном письме говорилось о каком-то ожерелье, которое мать оставила в Англии, уезжая в Италию. Но почему письмо леди Уайлдвуд сохранилось среди писем ее сестер? Кем она ей приходилась? Где искать сестер? И нужно ли, если они сами никогда не проявляли никакого интереса к судьбе племянницы?

Габриэла закрыла глаза и попыталась заставить себя заснуть. Но мысли, жестокие мысли лезли ей в голову. Если бы что-то странное не произошло с матерью, если бы она не

уехала из Лондона, то жизнь у Габриэлы сложилась бы совсем иначе. Или если бы ее тетки забрали ее из Италии к себе и воспитывали как родную дочь? Она бы росла как настоящая английская леди в настоящем английском доме. В комнате, как эта. И не походила на цыганку, путешествующую со старшим братом. Не то чтобы она хотела изменить свою жизнь, но она чувствовала усталость от игр судьбы. Годы поездок по жарким странам, изучение истории, дни, полные приключений.

Но... как это – жить в одном городе, в одном доме с семьей? Что значит «дом»? Она жила в Лондоне изредка, между поездками, но никогда не считала его родным городом. Она не принадлежала ему, как и он был чужд ее жизни. Она ни к чему не принадлежала. Она живет везде и одновременно нигде.

Габриэла уткнулась в подушку и всхлипнула. Наверное, ее мать стала бы такой же, как леди Уайлдвуд, – доброй, благородной женщиной. С седыми волосами, строго заправленными под чепец. С красивыми платьями для праздничных балов. Но ничего такого уже никогда не произойдет. И все глупые мысли в чужом доме и в чужой кровати только бередают душу. Ее мать умерла. Тетки не хотят иметь с ней никакого дела. Она не выросла настоящей английской леди.

А если бы все было наоборот... Она была бы идеальной девушкой для Натаниэля Харрингтона!

Да как такое могло прийти ей в голову? Глупость! Габриэла приподнялась в кровати, взбила подушку, попыталась устроиться поудобнее и выкинуть надоедливые мысли из головы. Это все его вульгарные слова, заставившие ее думать о нем в первую ночь в его доме.

Позорные и смешные мысли!

Она давно решила, что никогда не выйдет замуж. Да и кто возьмет ее из приличного общества? Ее, сироту без роду, без племени? Со шлейфом из скандалов: опозоренный, чокнутый брат, взлом дома?

У нее никогда не будет семьи. Не важно, что Натаниэль Харрингтон ведет такую же жизнь бродяги, как и она когда-то. Он останется братом графа, он вырос в светской семье в окружении любящих родных. И она никогда не сможет стать частью его мира. Короткая интрижка. Несколько поцелуев под луной. И он женится на другой женщине.

Она никогда не сможет принадлежать к этому миру.

Но как было бы чудесно – подавать ему руку в танце. Он бы нежно ее сжимал, обхватывал за талию и кружил в вальсе. Танцевать с ним, любоваться им всю жизнь. И когда он целовал ее ладонь, она чувствовала, как что-то рушится у нее внутри. Вспыхивает и срыгается вниз. Сладкое и горькое ощущение. Секунда. Глупые мысли.

Но когда он хотел поцеловать ее сегодня... После всех этих событий! Она хотела его. Она хотела, чтобы он целовал ее. Долго, часто. Прижимая к стене, обнимая и лаская. Чтобы он целовал ее честно. И говорил честные слова. Забыть, забыть!

Но... Натаниэль будет... хорошо, он будет ее партнером в этих поисках, в детективной истории, с которой ей не справиться в одиночку. А затем каждый пойдет своей дорогой...

Глава 5

И действительно, проснувшись и выглянув в коридор на следующее утро, Габриэла наткнулась на лакея, готового вести ее на завтрак. В голове промелькнула мысль о том, что он мог стоять здесь всю ночь, но потом она решила об этом не думать. В конце концов, это не важно теперь. Она не собиралась покидать дом и чувствовала себя совершенно разбитой после вчерашней ночи и безрезультатных поисков.

Горничная появилась в дверях, неся приготовленное для гостыи модное платье и необходимые предметы нижнего белья. Без сомнения, эти вещи тоже принадлежали Реджине Харрингтон. Габриэла посидела с минуту на кровати, позволила молоденькой горничной по имени Эдит помочь себе одеться. В ее глазах можно было прочесть вопрос, кто эта странная гостыя, появившаяся в полночь и собравшая всю семью в гостиной, но она была хорошо воспитана и ничего не спросила. И Габриэле не пришлось этим утром снова оправдываться.

Утреннее солнце заливало светом уютную гостиную для завтрака. На часах было полдевятого, намного позже, чем Габриэла обычно привыкла вставать. Но, несмотря на это, она была за столом одна. Ей прислуживал старший лакей – Эндрюс, если она правильно расслышала, и одна горничная, исчезнувшая из комнаты при появлении Габриэлы.

Эндрюс вежливо расставил приборы на столе, убрал лишнюю посуду и принес блюда к завтраку.

– Вы хотели бы чего-нибудь еще, мисс? – спросил он, разливая по чашкам чай.

– Нет, спасибо. – Габриэла взглянула на тарелки, которые поставили перед ней. Там были копченая рыба, печень, вареные яйца, бекон, тосты и много чего еще. – Думаю, этого будет достаточно.

– Я к вашим услугам, мисс.

Габриэла приступила к завтраку и тут же поняла, какая она голодная. Она слишком перенервничала прошлой ночью.

– Мистер Эндрюс? – Габриэла взглянула на лакея.

Он встал напротив стола и слегка поклонился:

– Просто Эндрюс, мисс.

– Хорошо, Эндрюс. – Она кивнула. – Я редко сплю так долго. Я хотела узнать, я завтракаю последней?

– Нет, мисс.

– О... – Очевидно, он также был обучен не распространять информацию, о которой его не спрашивали напрямую. – Кто-то уже встал сегодня утром?

– Его сиятельство катается в парке каждое утро. Сегодня мистер Натаниэль присоединился к ним.

– А леди Уайлдвуд?

– Они еще не спускались.

– Остальные?

– Вчера выдался исключительно поздний вечер, мисс. – Намек или подозрение прозвучало в его голосе? Или ей показалось? – Ни леди Реджина, ни мистер Куинтон еще не проснулись.

– Понятно. – Габриэла намазала немного джема на кусочек тоста. – Они скоро вернутся? Лорд Уайлдвуд и его брат, я имею в виду?

– Не могу сказать, мисс. Однако мистер Натаниэль намекнул на то, что вы можете подождать его в библиотеке, когда он вернется. Там вы сможете найти великолепную лекцию из книг про древние цивилизации. Он подумал, что вам могло быть это интересно. –

Лакей сделал паузу. – Он также попросил меня напомнить вам о вашем положении гостьи в нашем доме.

– Передайте ему... – Она запнулась. Эндрюс был всего-навсего посредником, передающим сообщение от хозяина, и она сможет скоро поговорить с Натаниэлем наедине. Габриэла улыбнулась: – Нет, думаю, я смогу сказать ему это сама.

– Как пожелаете, мисс.

Понятно, что мистер Натаниэль не имел намерения дать позабыть ей о ее двусмысленном положении гостьи. Ей в любом случае не доверяли. Если он рассказал Эндрюсу правду, то ему будет стыдно. Если же детали ее пребывания здесь были скрыты – а Натаниэль хотел поймать ее одну в библиотеке за чтением книг или поиском улик... Ей было сложно доверять ему.

Габриэла взяла еще один тост и задумалась над своим положением. Ей придется искать печать с мужчиной, которому она не доверяет. А он не доверяет ей. В отношении этого пункта приключение должно было быть занимательным. Это сыграет ей на руку. Пока она тесно общалась с некоторыми членами Антикварного совета, а заодно с директором и его женой, она не знала, кем были мужчины, работающие в том же направлении, что и ее брат. Как и Энрико, их было легче найти качающимися с тюками на спинах верблюдов или спящими в пыльных спальниках под открытым небом, чем на улицах Лондона. Большинство из них редко возвращались в цивилизованный мир и старались избегать его как можно дольше. Только необходимость торговать и работать с фондами и музеями, искать совета специалистов заставляла их приезжать в большие города. Она сама проводила много времени в общественных библиотеках, но редко встречала их там, исследующих тома и пыльные полки с книгами. Кроме одного, заподозренного братом в воровстве.

Помимо того, как бы она ни хотела признавать этого факта, но как мужчине, Натаниэлю будет легче попадать в некоторые места, в которые ее никогда не пустят. И передвигаться по южным странам намного свободнее, чем она. Габриэла знала это на собственном опыте – когда Энрико забрал ее к себе, он передел ее в мальчишку и представлял ее как своего брата. Это продолжалось до тех пор, пока не выросла ее грудь и стало невозможно прятать ее под широкими рубашками. Тогда многие узнали, что брат Энрико является на деле его сестрой.

Габриэла отбросила прочь грустные воспоминания и намек на сожаления. Нет смысла оглядываться назад. Жизнь складывается так, как должна. И древние народы знали об этом. Даже в Библии сказано, что каждому отведено свое время. Это не значит, конечно, что нужно сидеть на одном месте и ждать, что преподнесет жизнь. Но каждый следует своему року и своей судьбе. Даже если тебе пришлось родиться женщиной.

Габриэла закончила завтракать, и лакей проводил ее до библиотеки. Вызывало раздражение то, что за ней везде приглядывали слуги, но, с другой стороны, она с неохотой признала, что могла бы заблудиться в этом огромном доме с его бесконечными закоулками и коридорами.

Лакей открыл дверь в библиотеку. Габриэла шагнула в комнату и тут же остановилась.

– Простите, я не знала, что здесь кто-то есть.

Джентльмен, сидевший за столом секретаря, привстал.

– Полагаю, вы мисс Монтини?

Габриэла подошла к нему.

– А вы, должно быть, мистер Деннисон?

Секретарь графа не был красавцем. Но Габриэла не могла сказать, что он был непривлекательным. Скорее, он относился к такому типу людей, которых, встретив раз на улице, никогда не забываешь.

Он кивнул:

– Мне дали распоряжение дать вам любую поддержку и информацию, которая вам может понадобиться.

– О, как любезно это со стороны его сиятельства.

Мистер Деннисон открыл ключами новые замки с одной стороны стола, потом с другой и показал на них взмахом руки:

– Возможно, вам будет интересно посмотреть мои документы? Еще раз.

Ее лицо обдало жаром, и она проигнорировала вопрос.

– Очень заманчивое предложение, мистер Деннисон, очень признательна вам.

– Не хотите ли, чтобы я вам открыл ящики с документами в столе графа?

– Не думаю, что это необходимо, – проговорила она.

– И мне тоже кажется, что это было бесполезным действием. Могу заверить вас, мисс Монтини, я не знаю никакой корреспонденции, ни входящей, ни исходящей из этого дома, которая бы касалась печати Монтини.

Она приподняла бровь.

– Печать Монтини?

– Так мистер Харрингтон назвал ее.

– Понятно. – Печать Монтини! – Вы имеете в виду Натаниэля Харрингтона?

– Конечно.

– Неплохое название, – выдохнула она и опять удивилась: неужели Натаниэль намного честнее и умнее, чем она предполагала? Значит, он не хочет присвоить находку ее брата себе.

– Пока я работал с документами мистера Харрингтона и его брата, я могу сказать, что никогда не слышал ничего о печати до сегодняшнего утра. – Мистер Деннисон нахмурился. Теперь он выглядел не как скромный секретарь, а скорее как человек, с которым лучше не пересекать шпаги. – Но, как бы то ни было, вы можете осмотреть оба стола и всю остальную библиотеку. Она к вашим услугам.

– Не стоит, мистер Деннисон, – произнесла Габриэла самым раскисающим тоном, на который была способна. Ей не хотелось дальше расстраивать оскорбленного секретаря графа. Он ей нужен был как сторонник в этом доме. Но, замечая его недовольный взгляд, она поняла, что сделать это будет очень сложно. – Я не хочу устраивать никаких обысков и допросов.

Мистер Деннисон пренебрежительно фыркнул. Нет, они с мистером Деннисоном никогда не станут друзьями.

– Итак, мисс Монтини...

Кто-то постучал в дверь, и в ту же секунду она распахнулась. В комнату вошел Эндрюс.

– Мисс Монтини, к вам... – начал он.

– Отойдите-ка в сторону, молодой человек. – Флоренс отпихнула лакея в сторону и ворвалась в комнату. – Габриэла Монтини, что вы должны сказать в первую очередь?

– Доброе утро, Флоренс? – робко спросила Габриэла.

– И ты думаешь, этого достаточно? – Флоренс быстро оглядела библиотеку и уставилась на секретаря. – А вы кто?

– Эдвард Деннисон, мисс. – Мистер Деннисон выпрямился. – Секретарь графа Уайлдвуда.

– Хм. – Флоренс кинула на него пренебрежительный взгляд и повернулась обратно. – Габриэла, я настойчиво требую от тебя объяснений.

– А кто вы? – прервал ее мистер Деннисон.

– Меня зовут мисс Флоренс Генри. У мисс Монтини я комп...

– Друг! – быстро вставила Габриэла. – Она моя очень старая подруга. Очень хорошая подруга. Она была настолько добра, что позволила мне пожить у нее.

Флоренс взглянула на нее, затем хмыкнула.

– Да, я ее подруга. – Она кинула на Габриэлу быстрый взгляд. – А теперь, Габриэла, расскажи мне, что здесь происходит.

– Что здесь происходит, мисс Генри, – холодно сказал мистер Деннисон, – так это то, что ваша подруга была поймана сегодня ночью в этой библиотеке, как самый настоящий преступник.

Габриэла вздрогнула.

Флоренс набросилась на мистера Деннисона, как львица, защищающая своего детеныша.

– Вряд ли я могу поверить вашим словам, мистер Деннисон. К тому же позвольте вам доложить, что мисс Монтини никогда – ни сейчас, ни когда-либо до этого – не была преступницей. Так что оставьте свои комментарии при себе!

– Флоренс... – прошептала Габриэла.

Мистер Деннисон скрестил руки на груди.

– А вы спросите ее саму, как она попала в этот дом.

Продолжая испепелять взглядом секретаря, Флоренс тем не менее обратилась к Габриэле:

– Этот мужчина говорит правду?

– Разве я что-то писала об этом в записке? – спросила Габриэла.

– Вроде бы нет. – Флоренс продолжала пристально смотреть на секретаря. – Несмотря на любые ее странные действия, я все равно могу вас уверить, что причины, побудившие к ним, а также поведение мисс Габриэлы всегда были честными.

Мистер Деннисон опять фыркнул.

– Ее криминальные повадки, вы имели в виду?

– Ее манеры, несомненно, никаким образом не относятся к криминалу, мистер Деннисон! – Флоренс ткнула в него концом своего зонта. – А вот у вас, без сомнения, опыта в криминале побольше нашего...

Габриэла обернулась к Эндрюсу и взмолилась:

– Может быть, вы пошлете за помощью, пока не поздно?

– Прежде чем они убьют друг друга, вы имеете в виду? – Эндрюс покачал головой. – Мистер Деннисон – настоящий джентльмен, он никогда не ударит женщину.

– Я беспокоюсь не о джентльменских манерах мистера Деннисона, а о его сохранности, – улыбнулась Габриэла.

– Мне кажется, вы должны поговорить с мисс Монтини с глазу на глаз, поэтому я лучше удалюсь. К моему сожалению, – сказал мистер Деннисон.

– Буду вам очень признательна, – кивнула Флоренс, и легкий намек на улыбку появился в уголках ее рта. Габриэла никогда не видела, чтобы ее компаньонка так улыбалась. – Действительно жаль.

Неужели Флоренс флиртует?

Мистер Деннисон покраснел.

– Мне нужен кто-нибудь, чтобы проводить меня к карете, когда я закончу разговаривать с мисс Монтини. Не будете ли вы так любезны вернуться сюда через несколько минут?

– Это будет для меня большая честь. – Мистер Деннисон поклонился и вышел из комнаты.

Эндрюс вышел следом, стараясь не улыбаться.

Габриэла схватила компаньонку за руки.

– Флоренс!

– А он довольно экстравагантен, ты не находишь?

– Мистер Деннисон? Я думаю... – Говоря честно, джентльмен, который казался ей еще несколько минут назад весьма ординарным, теперь был похож на своеобразного и экстравагантного человека. – Да, я согласна. И я думаю, что он был тобой атакован.

– Ну-ну, тебе показалось, – хихикнула Флоренс.

Габриэла вытаращила на нее глаза. Энрико нанял Флоренс, когда Габриэла только начала жить в Лондоне, чтобы она присматривала за девочкой и везде ее сопровождала. Флоренс жила в доме Энрико – а теперь и ее, – скромном лондонском доме больше девяти лет. Будучи всего на десять лет старше, Флоренс казалась Габриэле сестрой. Даже более того – настоящей семьей, которой у нее никогда не было. Но в течение всех этих лет, прожитых бок о бок, Габриэла никогда не видела, чтобы между Флоренс и мужчиной проскакивала искра.

Флоренс присела на один из подлокотников большого кресла, стоящего у нее за спиной около стола мистера Деннисона.

– Ты написала в своем письме, что остановилась у подруги своей матери.

Габриэла кивнула:

– Леди Уайлдвуд знала мою мать.

– И помня об этом, ты осмелилась грабить ее дом?

– Да. – Габриэла села в другое кресло.

– Я не одобряю твои методы. В любом случае... – с большой неохотой произнесла Флоренс, – это был, наверное, единственный план, который пришел тебе в голову.

Габриэла изучала ее лицо.

– Создается впечатление, что ты не очень злишься.

– О, я прихожу в бешенство, когда вспоминаю о твоём поступке. Но я стараюсь понять, почему ты это сделала. Я никогда не думала, что ты принадлежишь к такому типу людей, которые лгут направо и налево, как недавно сделала ты.

– Нет, я не врала. Но это относится к делу, которым должна заниматься я, и только я одна.

Флоренс приподняла бровь:

– Приключения и поиски, значит?

– Именно. Я должна... исправить эту ошибку. – Это действительно поиски, благородные и авантюрные. – Кое-кто уничтожил моего брата, разрушив всю его жизнь.

– А как же твои планы на будущее?

– О чем ты? – удивилась Габриэла.

– Ты никогда не признавалась, но я всегда догадывалась о твоих планах.

– Мои надежды были глупы, и особенно они абсурдны сейчас, после смерти Энрико. Но все же, я признаюсь, главное слово в этих поисках – «надежда». – Габриэла пожала плечами. – Надежда появилась в тот момент, когда Энрико сказал, что я не смогу присоединиться к нему и работать с ним вместе.

– К его поездкам, ты имеешь в виду?

– Да, я полагаю, да. Я не такая глупая, чтобы думать, что, если бы я переубедила Энрико и он взял бы меня с собой, все было бы легче и имело другой исход. Несколько лет я пыталась сделать так, чтобы он сам дошел до мысли, что я буду ему хорошей помощью. Поэтому я училась, много занималась в библиотеках и работала – чтобы стать умной и необходимой ему. – На секунду чувство потери брата и ее детские мечты о совместной работе угрожающе переполнили Габриэлу. Она проигнорировала это, как всегда. – Я была уверена, что открытие печати будет началом поисков самой Амбропии и я стану ему нужна.

– Бедная Габриэла! – Флоренс потянулась и погладила руку подруги. – Расскажи мне, моя дорогая, – она уставилась на нее с неподдельным интересом, – ты попала на воровстве, подвергла себя опасности, не знаю, правильно или бездумно, ради чего? Ты нашла доказательства?

– Нет. – Габриэла грустно вздохнула. – Они все клянутся, что ничего не знают о местонахождении печати.

– И ты им веришь?

– Конечно, я верю леди Уайлдвуд и графу. Мистер Деннисон также уверял меня, что у него нет никакой информации о печати, и собирался – действительно подстрекал – заставить меня поискать доказательства в его документах. При нем!

Флоренс кивнула.

– Он выглядит как честный человек, неспособный лгать.

Габриэла воздержалась от желания прокомментировать ее оценку мистера Деннисона как обаятельного и экстравагантного человека. Документы могли быть убраны, его предложение ничего не стоило.

– Оба брата – Куинтон и Натаниэль Харрингтоны – сказали, что ничего не знают об исчезновении печати. Я совсем не уверена в честности старшего из них, но Натаниэль...

– Натаниэль? – удивилась Флоренс.

– Мне кажется, я могу доверять ему в любых делах. – Она встретила взгляд Флоренс. – Он собирается помочь мне отыскать печать.

– Да что ты? – Флоренс глянула на нее с удивлением. – И он не вызывает у тебя подозрения?

– Это была идея его матери. Она боится, что, чем дольше я буду искать печать самостоятельно...

– Врываясь в чужие дома!

– Мои попытки могут повредить положению в свете их семьи, принести подозрение и скандалы в их дом.

– Понятно. – Флоренс на мгновение задумалась. – Возможно, ты должна была рассказать все это мне прежде, чем зайдешь так далеко в своих приключениях. Ведь я твой друг.

– Мой лучший друг, – ласково сказала Габриэла. – Да, хорошо, возможно, я должна была.

Она рассказала обо всех событиях: о появлении на балу Реджины Харрингтон и все детали вчерашнего «взлома» дома, в который она прокралась. Опуская подробности о поцелуях под лунным небом и танцах с Натаниэлем и особенно про те чувства, которые он в ней вызвал.

– Понятно, – повторила Флоренс, как только Габриэла закончила свой рассказ. – Все это сходится с тем, что Ксеркс рассказал мне, несмотря на то, что у него не доставало некоторых фактов.

Глаза Габриэлы широко раскрылись.

– Так ты уже все знала?

– Я только сказала, что у Ксеркса не хватало некоторых кусочков общей картины. Боже мой, Габриэла, после всех этих лет ты не думаешь, что мне можно рассказывать о твоих проблемах? Я что, не права? – Флоренс обиженно смотрела на нее. – Я знала с первой же минуты, как прочитала твое письмо утром, что все не так хорошо, как мне кажется. И когда я прочла второе письмо к Ксерксу...

– Ты читала письмо, адресованное ему?

– А ты думала, что я этого не сделаю? Ты думала, что я не захочу разобраться во всем, что происходит, и не прочитаю его письма после своего?

– Чего я не подозревала, так что ты читаешь чужие письма! И я хотела, чтобы он первый взял тот конверт и сам во всем разобрался.

– Тогда ты должна была послать за ним карету, чтобы он был в доме, когда пришел посыльный. – Флоренс тряхнула головой. – Когда слуга пришел к нам в дом в такой ранний час и сказал, что принес сообщение от мисс Монтини...

Габриэла вздрогнула.

– Я даже не смотрела на имена, я сразу стала читать! – Флоренс поднялась с кресла. – Габриэла, когда мы познакомились, тебе было шестнадцать лет, и я была гувернанткой без дома, я хотела работать с такой взрослой девочкой. Общеизвестно, что легче работать и воспитывать детей помладше. Но я не такая, ты знаешь. – Она вздрогнула при мысли о маленьких детях, как случалось с ней обычно. – К счастью, твой брат подумал обо мне, а я была свободна, меня пригласили к вам в дом, когда ты была уже почти взрослая.

– И я всегда думала, что ты была единственной гувернанткой в Лондоне, готовой согласиться на такие условия.

– Ну конечно, и это тоже. Но мое соглашение закончилось со смертью твоего брата. Я теперь не у тебя на службе.

– Не думаю, что мы должны обсуждать это сейчас.

– Мы никогда об этом не разговаривали, и мы должны сделать это. Особенно если ты собираешься покинуть Лондон и пуститься в кругосветные путешествия в поисках сокровищ... Впрочем, это твои поиски. Тебе двадцать пять, и ты абсолютно самостоятельная женщина. Твой брат нанял меня сопровождать тебя, быть твоей опекуной, могу сказать, стражей, и Бог знает кем еще, ведь он так редко бывал в Лондоне. Я надеялась, что ты выйдешь замуж еще несколько лет назад.

– Я никогда не планировала выходить замуж.

Флоренс проигнорировала ее слова.

– Твоя проблема и нежелание выходить замуж – это моя вина, а не твоя. Я всегда так думала и внушила тебе эти глупые мысли. Но я надеялась, что вдруг в тех библиотеках и музеях ты найдешь кого-нибудь, кто будет интересоваться теми же вещами, что и ты. Конечно, еще не поздно, но...

– Флоренс, – прервала ее Габриэла. – Замужество мне не грозит. И никогда не грозило.

И снова Флоренс не обратила внимания на ее слова. Она всегда не придавала значения словам Габриэлы о ее будущем и браке.

– В любом случае это время пришло...

– Неправда.

– Или пришло время отказаться от моих услуг. Ты все равно не ценишь мои советы.

– Никогда, – непреклонно произнесла Габриэла. – Ты моя семья, как и Энрико. Как и Ксеркс с Мириам. Вы дороги мне.

Флоренс покачала головой.

– Бедное подобие семьи, но лучше хоть мы, чем ничего.

– Вы для меня все! – На мгновение паника охватила Габриэлу, когда она представила себя без Флоренс, Ксеркса и Мириам, которые все эти годы были для нее большей семьей, чем родной брат. Габриэла откинула прочь предательские мысли. Энрико был прекрасным братом.

Флоренс улыбнулась:

– Мы тоже тебя любим, дорогая. Но я всегда говорила тебе, – ее голос стал еще более уверенным, – пока я забочусь о тебе и нахожусь у тебя на службе, я буду по мере своих сил защищать тебя от беды. Я постараюсь провести тебя по этой сложной тропинке, охраняя тебя от полного краха и, спаси Господи, от скандала. – Флоренс покачала головой. – После смерти твоего брата делать это становится все сложнее.

– Я полагаю, ты не любишь легких путей. – Габриэла усмехнулась.

– Видимо, я притягиваю неприятности. И хочу, чтобы все было просто и легко!

– Тебе не понравится так жить. В такой жизни нет веселья.

– Веселье, моя дорогая девочка, веселью рознь. – Флоренс стала раздражаться. – Я не вижу ничего веселого в том, что ты останешься в этом доме одна. Раз уж ты не соби-

раешься избавляться от моих услуг, то позволю заметить, что, несмотря на проживание в доме леди Уайлдвуд и ее внезапное гостеприимство, ты должна быть под присмотром своей гувернантки, так велят обычаи. Поэтому я не позволю тебе оставаться здесь одной.

Габриэла нахмурилась.

– Ты не собираешься оставаться здесь...

– Не говори глупости.

– Тогда что ты имеешь в виду?

– Ты увидишь. – Флоренс мило улыбнулась, но в глазах ее читалась уверенность в своих словах. – Ты не единственная, у кого есть тайные и продуманные планы.

– Что ты...

– К тому же я требую от тебя ежедневных писем с отчетом о твоей жизни и ежедневных визитов. Ты будешь возвращаться к себе домой, или я буду приходить сюда. Только при гарантии этого я отдаю тебе принесенные вещи на ближайшие дни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.